

70
ЛЕТ

ОАО «СВЯТОГОР» КРАСНОУРАЛЬСКИЙ МЕДЕПЛАВИЛЬНЫЙ КОМБИНАТ

03.08.2007
K78-3

2001

70
ЛЕТ

КРАСНОУРАЛЬСКИЙ
МЕДЕПЛАВИЛЬНЫЙ
КОМБИНАТ
ОАО «СВЯТОГОР»

ГОДЫ

СОБЫТИЯ

ЛЮДИ

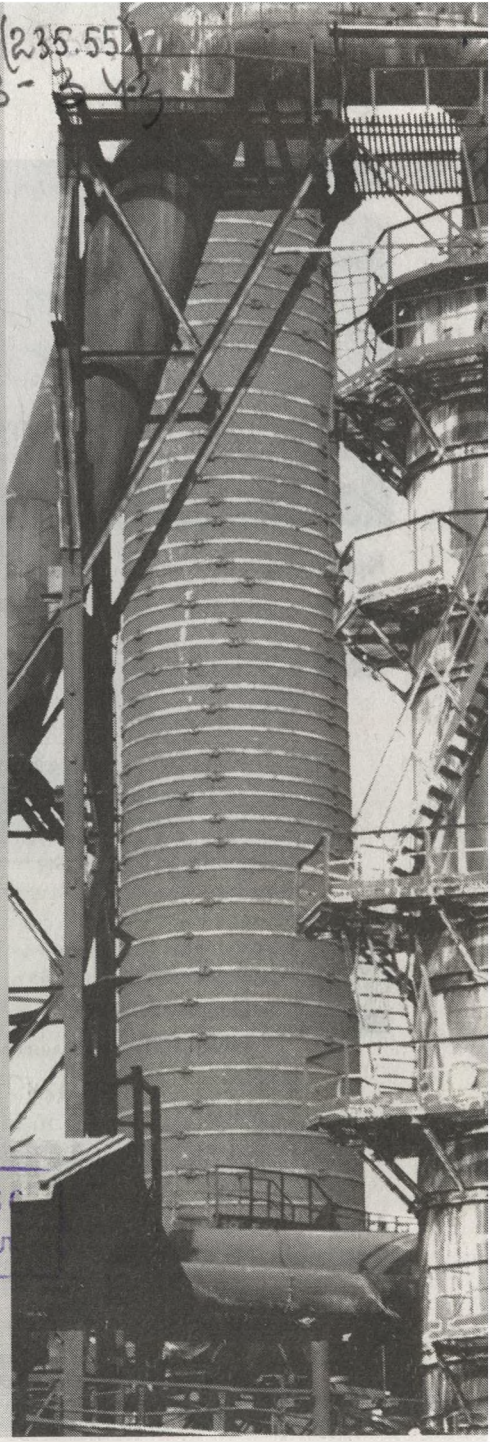

63.3(235.55)
К 78-243

70
ЛЕТ

ОАО «СВЯТОГОР»

86615

Красноуральская ЦБ
Свердловской обл

Красноуральск
2001 год

К 78

ББК 63.3 (2Р36)

Авторы-составители:

Григорий Григорьев,
Валерий Котов,
Марина Кононова

В книге также использованы фотографии из фондов историко-производственного музея ОАО «Святогор» и личных архивов ветеранов предприятия.

Красноуральский медеплавильный комбинат. Годы. События. Люди. — Екатеринбург, «Филантроп», 2001 г. — 192 с., илл.

ISBN 5-901112-07-5

Книга издана на средства ОАО «Святогор»

КРАСНОУРАЛЬСКИЙ МЕДЕПЛАВИЛЬНЫЙ КОМБИНАТ

ОАО «СВЯТОГОР»

Издательский Дом

ООО РИА «Филантроп»:

620219, Екатеринбург, ул. Тургенева, 13,
офис 191. Тел.: (3432) 56-91-78, 56-17-51.
E-mail: filantrop@etel.ru

Лицензия на издательскую деятельность
серии ИД № 04422 от 29 марта 2001 г.

© Екатеринбург, «ФИЛАНТРОП», 2001.
© ОАО «Святогор», 2001

Уважаемые читатели!

Вот уже семь десятилетий на промышленной карте Урала существует Красноуральский медеплавильный комбинат. В истории человечества это капля в море. В истории предприятия — целая эпоха, в течение которой первый на Урале завод по производству черновой меди строился и рос, повторяя в своем развитии историю всей страны.

Так уж сложилось, что большинство уральских городов возникали вокруг промышленных предприятий. И наш город Красноуральск — это город-завод. За 70 лет на комбинате менялись не только технологии и оборудование — сменилось несколько поколений трудящихся, которые вливались в трудовой коллектив, неразрывно связывая с ним свою судьбу, вкладывали в производство душу, знания, опыт. Именно люди — инициативные, грамотные, ответственные профессионалы своего дела — являются нашей гордостью, нашим достоянием, нашим будущим.

Поэтому книга, которую Вы держите в руках, — это, прежде всего, дань тем, кто строил наш комбинат, самоотверженно трудился в военные и все последующие годы, создавая КМК, а ныне открытому акционерному обществу «Святогор», имидж динамично развивающегося предприятия с богатым творческим потенциалом.

Надеюсь, что эту книгу, в которой собран и обобщен исторический и современный материал о предприятии, прочтут ветераны, нынешнее и будущее поколения медеплавильщиков, наши дети, внуки и правнуки. История комбината продолжается. Его будущее — это наш профессионализм, ответственность за судьбу города, стремление идти вперед!

От всей души поздравляю трудовой коллектив и ветеранов со знаменательным юбилеем!

Выражаю огромную признательность за труд и преданность предприятию, надеюсь, что «Святогор» стал для Вас не только местом работы, которым можно гордиться, но и настоящим домом, большой трудовой семьей.

*С уважением,
Генеральный директор
ОАО «Святогор»*

Сергей Матвеев.

Уважаемые читатели! Перед вами книга, рассказывающая о становлении и развитии Красноуральского медеплавильного комбината. 70 лет назад, 4 сентября 1931 года, на нашем предприятии была получена первая черновая медь.

Задача авторского коллектива состояла в том, чтобы сохранить в памяти потомков богатую историю комбината, рассказать о людях, своим трудом ее создававших. Основой для написания книги стали архивные документы заводского производственного музея, материалы местного краеведа Григория Константиновича Григорьева, многочисленные воспоминания ветеранов предприятия. Возможно, некоторые факты и события, поступки наших отцов и дедов сегодня покажутся наивными и неприемлемыми для нынешнего времени. Но мы умышленно сохранили тексты разных лет в прежней редакции. Как говорится, из песни слова не выкинешь. И исторический факт надо принимать таким, каков он есть.

Приносим нашу глубокую благодарность всем, кто принимал участие в создании юбилейной книги: ветеранам В.И. Котову, А.Г. Макарову, Е.Т. Туровой, Н.Ф. Кулаковой, С.В. Саблину, А.П. Горшкову, Л.Н. Фединой, Р.Н. Шалимовой, А.П. Агальцеву, Н.И. Кассину, С.Д. Пудову и многим другим. В книге были также использованы воспоминания бывших работников комбината: М.Л. Киселева, А.Н. Пахомова, Ф.А. Томбасова, Я.И. Мокина, С.И. Ознобишина, В. Степанова, А. Шарафутдинова, П. Жирякова. Большую помощь авторам оказали В.Г. Кожин, руководители цехов, отделов, главные специалисты ОАО «Святогор», Н.Е. Коржова, А.Е. Мелкозеров.

Просим наших читателей проявить снисходительность к составителям книги в случае, если вы не найдете в ней отражения каких-либо важных событий. В рамках одного издания невозможно воссоздать богатейшую, теперь уже более чем семидесятилетнюю, биографию предприятия. Надеемся, что ее дополнят следующие поколения.

Авторский коллектив.

КРАСНОУРАЛЬСКИЙ МЕДЕПЛАВИЛЬНЫЙ КОМБИНАТ

ОАО «СВЯТОГОР»

Глава 1

ДОРЕВОЛЮЦИОННОЕ ПРОШЛОЕ НАШЕГО РАЙОНА

Освоение природных богатств и появление первых населенных пунктов в нашем районе относится к 1735-1736 г.г. В это время началось строительство Кушвинского железоделательного завода, принадлежавшего казенному Гороблагодатскому горному округу.

Для нужд Кушвинского завода в нашем районе велась заготовка древесного угля в специальных углевыжигательных печах. При них и было выстроено жилье для «работных» людей, т. е. крепостных крестьян, приписанных к казенным заводам и рудникам. Названия этих местечек сохранились до наших дней: Чирок, Бородинка, Межень, Александровка, Марьинский кордон, Дедюхинские печи и другие.

В 1823-1824 г.г. на берегах реки Салды и по ее многочисленным притокам — рекам Кушайке, Сорьи, Айве, Песчанке, Крестовоздвиженскому и Ильинскому логам — было найдено рассыпное золото. Многие золотые россыпи были открыты специальными правительственными поисковыми партиями, с деятельностью которых связаны имена штейгеров Грогова, Смагина, шахтмейстера Водовозова, маркшейдера полковника Галяховского, полковника Веденева, капитана Вереинова. Очень многие россыпи открыты крепостными «казенными людьми».

Углежоги 1735-37 г.г.

Примитивность отработки россыпных месторождений приводила к большим потерям. Богатые недра на казенных приисках разрабатывались хищнически, по причине «убогости содержания» работы быстро останавливались, а люди переводились на открываемые участки. Такая

Разработка карьера в дореволюционные годы

постановка дела привела к тому, что уже в 50-60-е годы 19 столетия добыча золота резко упала, и большинство приисков было закрыто.

После отмены крепостного права была отменена и государственная монополия в золотодобыче.

И в период 1863-1896 г.г. наблюдается новый подъем золотопромышленного дела, который

был обусловлен привлечением к нему частной инициативы. В тайгу хлынула масса теперь уже «свободных» людей, а вслед за ними устремились толпы торгашей, ловких предпринимателей. Этот период характеризуется некоторым прогрессом в технике золотодобычи: вводятся бутары, чаши Комарницкого для промывки песка. Но большая часть добычи по-прежнему производилась за счет тяжелого мускульного труда старателей, которых бессовестно обманывали скупщики золота.

Бывшие казенные золотые прииски сдаются в аренду, продаются частным владельцам. Так, в декабре 1864 г. казной был передан в аренду Томскому купцу II гильдии Петру Богомолу крупный золотой прииск Успенский, положивший начало «Богомоловскому делу». Затем золотыми приисками владел И.П. Богомол — купец I гильдии, крупный золотопромышленник. Только в нашем районе из 125 золотых приисков он владел более чем 50-тью.

В 1875 г. при разработке россыпи в месте впадения речки Кушайки в реку Салда на прииске Богомолова было встречено рудное золото, добыча которого и создала громкую славу этим приискам (в 1891 г. у Богомолова работало до двух тысяч рабочих, а суточный намыв золота составлял около одного пуда). По фамилии этого золотопромышленника за районом надолго сохраняется название «Богомоловский».

ЗОЛОТО

В стороне от станции Верхняя Пермской железной дороги лежит земля, насыщенная медью, золотом и серебром. Земля эта совсем недавно открыла свои тайны, и первым прославил её Иван Петрович Богомолов.

Богомолов был нищим золотоискателем. Он знал горький вкус погони за кусочком золота величиной в слезу. И долгое время судьба оставляла на его долю лишь зависть чужому счастью. Но особая ловкость вывела его в предприниматели, а слепой случай сделал его молниеносным богачом.

...Шахтер Гайзизула показал нам тропу, по которой к Богомолову пришло счастье. Тропа ползет в таежном лесу, у ног многовековых сосен, и ведет на Архангельский рудник. Здесь блеснул первый богомоловский день, похожий на сон.

По обыкновению на рассвете Гайзизула с товарищами спустился «в гору» за золотом. Это были старатели, раненные неудачей. Как кроты, они рыли землю и отправляли на поверхность бадьи с песком. Ничего они не ждали, понимая, что песок не даст столько золота, сколько на нем пролито поту.

К полудню неожиданно загудела тайга.

В тот день впервые намыли 16 килограммов золота, и Богомолов кричал о своем счастье... Пушкой он возвестил миру, что нашел «бешеную жилу» золота. Пушкой он сзывал своих людей на пир. Он выкатил бочки с вином и, вышибая из них днища, кричал:

— *Пей, народ! Пей! Бог послал мне золото на всех!
Пейте, люди!*

Гайзизула стоял в фартуке, опершись на лопату, которой он вырыл счастье Богомолову, и говорил:

— *Умом попортился человек!*

С тех пор каждый день стреляла пушка Богомолова, возвещая, что земля отдала ему очередные 16 килограммов золота. Там, где безмолвствует неведомая река Кушайка, ему в руки потекла золотая река. Он наполнил тайгу необычайной жизнью.

Спуск в шахту

Он изрыл землю приисками. Множество старателей, искавших золото, не имея куска хлеба, стали рабами Богомолова.

Эксплуатацию свою он украшал цветами лицемерной добродетели.

Он содержал «на хлебах» не только рабочих, но и их семьи. Часто задавал рабочим пиры. Слава его вскоре загремела из дальнобойных орудий, и отголоски ее ещё звучат в ушах Урала.

Но прославился Богомолов не богатством, а самодурством. Разбогатеv, он возложил дела на старшего сына Виталия а сам весь отдался удовольствиям.

Виталий Иванович был такой же исполин, как отец, с такой же крепкой, как спирт, страстью к золоту.

Он никому не доверял...

Гайзизула видел его всегда мечущимся на коне по приискам или в шахте со зловещей плеткой, вкус которой сам пробовал — он погонял ею людей.

Старший же Богомолов жил в Невьянске.

Изредка он, точно метеор, проносился над приисками. В ожидании его, как пожарные, дежурили четверо быстролётных коней, и при них свечой стоял кучер Кузька. Телеграмма из одного слова: «Еду!» — хлыстом ударяла по Кузьке

и по гладким спинам коней. И вот он мчится на станцию, забирает шумного хозяина и несет его легче птицы в золотое царство, политое потом.

Кузькин Хлыст свистит над конями, а хозяйский голос, точно кнутом, хлещет Кузьку:

— *Понужай, понужай!*

Низко кланялся Богомолу народ, а он, ослепляя его блеском сапог, только спрашивал:

— *Каждый ли праздник подают народу порцию водки?*

И узнав, что подают, одобрительно кивал головой:

— *Каждый праздник надо давать! Каждый праздник!..*

Часто тайгу потрясало гульбище. На прямой намыленный столб ставили бутылку водки.

— *А ну-ка, налетай! Кто достанет, тот и выпьет, — кричал Богомол.*

Люди яростно цеплялись за столб в погоне за бутылкой и срываясь, падали, точно камни в траву. А смех хозяина победным колоколом оглашал лес.

В забое

Много других утех изведал этот неутомимый озорник.
Не раз кучер Кузька слышал команду Богомолова:

— *Запрягай девок!*

Тогда появлялись сани с девушками в оглоблях. Раскрасневшийся Богомолов размахивал над понурыми головами кнутом и швырял в оголтелый народ пригоршни серебра.

Так скакал он к печальному концу. Старший сын умер, разбитый лошадью, на которой мчался ставить заявочные столбы на новых золотоносных участках. Младший сын, промотав рудничную казну, был изгнан отцом. Наемный управляющий утратил «бешеную жилу» и в поисках её загнал хозяина в непроходимые дебри долгов. Очутившись в тупике, Богомолов отдал истощенные отводы кредиторам.

В последний раз Богомолова видели на приисках в то время, когда последнюю его шахту затопило водой. Он подошел к шахте в каменном безмолвии и увидев, что вода затапливает его последнюю надежду, кинулся в зеркальную коляску, и Гайзиула в последний раз слышал, как голос Богомолова, точно треснувший колокол, задребезжал:

— *Понужай, Кузька! Ну-ж, понужай!*

— *Умом попортился!* — сказал Гайзиула.

Больше Богомолов сюда не показывался.

Потом его видели размякшим стариком. Могущество из него выветрилось. Он бродил нищим по трактирам, молящими глазами смотрел на водку и просил:

— *Подайте рюмочку! Не оставьте бывшего богача!*

Таким рисует Богомолова молва, которая, точно ветер, бродит по Уралу и хранит память о непревзойденном самодуре.

Г. Киш «Исповедь молодого инженера»
Молодая гвардия. 1930 г.

ОТ ЗОЛОТА К МЕДНОЙ РУДЕ

При разработке золотых приисков в нашем районе был обнаружен медный и серный колчедан. В 1845 г. полковник Фелькнер открыл Лейхтенбергское месторождение колчедана, впоследствии названное Спассо-Серноколчеданным или просто Кушайским рудником. Это месторождение отлича-

Из воспоминаний потомственного шахтера Томбасова Ф.А.:

— Мой отец и дед работали на Андреевских шахтах. В те годы я был ещё мальчишкой, но запомнил на всю жизнь закопченные лица, большие натруженные руки и рваную, грязную одежду шахтеров. Основными инструментами горных рабочих в те годы были: бур, кувалда, кайло и лопата. Руду к стволу шахты подвозили на тачках, а потом по стволу поднимали большой бадьей. Только в 20-е годы появились на наших шахтах кони, которые по рельсам тащили вагонетки с рудой к стволу шахты. Отсутствовала элементарная охрана труда. В штольнях обычно было темно и сыро, не было свежего воздуха, люди задыхались от пыли и недостатка кислорода. Но рабочий день длился 12 часов, и раньше выйти из этой крошечной тьмы было нельзя. Только поздно вечером отпускалась бадья, и друг за другом поднимались на белый свет рудничные...

Добыча руды, несмотря на примитивность разработок и ручной труд шахтеров, на этих рудниках велась в довольно крупных, по тем временам, размерах, о чём свидетельствуют такие данные: со Спассо-Серноколчеданного рудника с 1882 г. по 1897 г. добыто и вывезено 2153500 пудов руды, а с Андреевского с 1897 г. по 1906 г. — 5634150 пудов. Содержание меди в руде было до 6%, серы до 50%, в ней содержалось также золото, серебро и др. ценные компоненты.

Гремело «Богомолдовское дело» на Урале, да и было отчего. Качали они золото пудами.

Но Богомолдов прииски продал: одна из шахт в течение двух лет не давала драгоценного металла, и против Богомолдова был организован заговор.

лось высоким содержанием компонентов в руде и ее исключительной химической чистотой. Рудник сыграл важное значение в развитии медеплавильной промышленности казенного Гороблагодатского горного округа и Елабужских химических заводов в Пермской губернии, принадлежавших владельцу Ушкову. Добыча с него велась в течение 40 лет.

В 1879 г. южнее Спассо-Серноколчеданного рудника было открыто ещё одно месторождение серного колчедана. Рудник получил название Андреевский.

Руду с этого рудника добывали и вывозили вплоть до 1918 г. Работы были прекращены с развитием событий гражданской войны.

РОЖДЕНИЕ РУДНИКОВ

В 1904 г. все 50 богомоловских приисков были проданы с молотка и переданы новому хозяину — главному кредитору Богомолова — действительному статскому советнику г. Екатеринбурга г-ну К.И. Рощенскому. Рощенские, боясь разориться, в это предприятие не вложили ни копейки. Управляющий приисками немец Гольцгаузен за определенную плату отдавал прииски в аренду мелким кустарям-золотоискателям. Когда в 1914 г. Богословский горный округ решил приобрести Богомоловские прииски, то Н.А. Рощенская и Гольцгаузен продали их за 275 тыс. рублей. Но богословцев золото не интересовало. Зная, что братья Ушаковы более полувека добывали здесь медную руду, они приобрели прииски, преследуя единственную цель — не остаться без рудной базы.

Для отвода глаз новые хозяева восстанавливают несколько приисков и ведут поиск медной руды. Под руководством инженера-геолога Стратановича в 1916-1917 г.г. были открыты новые месторождения медной руды: Компанейское и Ново-Левинское.

В тот период богословцы вступили в Международную компанию частных предпринимателей, куда входили немцы, шведы, датчане, французы. Вступление в такую компанию подни-

Андреевский рудник. Старый поселок

Палатка первостроителей. 1925 г.

мало престиж общества, и в честь этого события рудник был назван Компанейским.

Ново-Левинский рудник обязан своим названием первооткрывателю рудника верхне-туринскому крестьянину Левину.

Богословцы добились разрешения на проведение в наш район железной дороги. И в начале 1918 г. даровой силой пленных австрийцев была проведена железная дорога — от ст. Верхняя до ст. Колчедан. Здесь богословцы собирались построить медеплавильный завод с утилизацией отходящих газов мощностью 500 тысяч пудов меди в год (8 т. тонн). Однако свои планы им осуществить не удалось. В 1919 г. указом о национализации всех частных предприятий рудники Компанейский и Ново-Левинский были национализированы. Шахта Компанейская была поставлена на мокрую консервацию.

После гражданской войны первая руда на Компанейском руднике была выдана в 1926 году. В 1930 году рудник был переименован в Красногвардейский.

«ДРАГОЦЕННЫЕ» РЕКИ

Река Салда и ее притоки берут начало в полосе порфириновых пород. В системе Левой Выи — по рекам Малый Чирок и Большой Чирок — известно присутствие платиновых металлов.

Золотоносные россыпи по Чирку были открыты в 1830 г. на Иоанно-Предтеченском и Петропавловском приисках.

На Нептуновском прииске, по р. Б. Чирок, примесь платины и осмистого иридия к золоту составляла около 25%. А на приисках А.Г. Шолина по р. Айве, выше и ниже устья р. Сорьи, — около 10%. На р. Айве предполагалось поставить драгу. В верховьях р. Салды (Туринской) между устьями речек Кушайки и Нивы, а также в бассейне последней, развиты змеевик.

Есть указание, что платина наблюдалась здесь и в коренном месторождении, а именно на Кушайском или Спассо-Серноколчеданном руднике. Платина также была открыта в серном колчедане из шахты на Андреевском руднике. Подтверждением указанного факта является сообщение золотопромышленников братьев Треуховых, что на их Водовозовском прииске по логу, впадающему в реку Салду (в 28 верстах к востоку от Кушвы), в метаморфических зеленовато-серых, похожих на яшму, сланцах наблюдался вкрапленный серный колчедан, содержащий не только золото, но и платину. Кварцевых золотоносных жил на Водовозовском руднике обнаружено не было.

Спассо-Серноколчеданный (или Лейхтенбергский) рудник представлял ряд более или менее мощных линз серного колчедана с примесью медного и магнитного колчеданов. Кроме того, наблюдалась медная чернь, синь, зелень. Кварц и в пустотах — кристаллы гипса. Содержание меди — от 0,2 до 8%, серы — от 36 до 43%, Au — до 28 дол. в 100 пудах. На Андреевском руднике работало южное продолжение того же ряда линз. Севернее Ушковских рудников в Богомолковском рудном районе разведками Общества Богомолковских заводов были открыты линзы медистого пирита, а южнее разведками Понизовкина — на Горно-Салдинском и Александровском приисках.

Значительной мощности линзы медного пирита открыты на рудниках Общества Богомолковских заводов, причем, серный колчедан (с примесью медного, цинковой обманки и серебряного блеска) содержит SiO_2 , S, Cu, Zn, Au, Ag.

(Из книги Н.К. Высоцкого «Платина и районы ее добычи». Обзор районов добычи платины на Урале. Ленинград, 1925 г.).

Глава 2

СТРОИТЕЛЬСТВО И ГОДЫ СТАНОВЛЕНИЯ МЕДЬЗАВОДА

Где лес задумчивый стоял —
Убежище зверей
Там рвутся к солнцу корпуса, —
Цехов-богатырей.

Всеволод Ершов

У истоков

В период всеобщей разрухи, когда повсюду, в том числе в районах городов Кушвы, В-Туры и будущего города Красноуральска, гремели бои и пожарища гражданской войны, никому не было дела до горных разработок бывших хозяев золотых приисков и медных шахт — они были затоплены, разграблены, заброшены.

Но закончилась гражданская война, крепла на местах и в центре молодая советская власть, жизнь требовала восстановления всего разрушенного хозяйства. Молодой республике была нужна медь.

Постановлением Совета Труда и Оборона СССР (пр. № 131, п.12-а, от 06.03.25 года) признано необходимым в экономических интересах СССР и в целях обороны страны, приступить к развитию цветной металлургии, в частности, по меди на Богомолловском месторождении.

Постановлениями от 10.06.25г. (пр. № 161, п.12) и от 29.07.25г. (пр № 168, п.23) Совет Труда и Оборона СССР возложил на Правление Уральского медного треста задание — в трехлетний срок оборудовать на Богомолловском месторождении предприятие по выплавке меди до 10000 тонн в год. СТО поручил ВСНХ СССР к 1 мая 1926 года разработать проекты и детальные сметы на все работы по созданию рудников и постройки завода.

На основе этих постановлений в июле 1925 года в Богомолловский район, на место нового строительства, был направлен специалист Н.М.Ташкин.

На одной из рабочих казарм шахты Компанейская бывшего Богословского горно-заводского округа появилась вывеска — «Богомолстрой».

Из воспоминаний Я.И. Мокина:

— В июне 1925 года на станции Верхняя мне пришлось встретиться с Ташкಿನым Николаем Михайловичем. Он предложил мне должность заведующего канцелярией. На место мы выехали с ним на лошадях, дорог тогда не было. По прибытию на место увидели здесь маленькие домишки. Разместились по квартирам и приступили к широкой информации о найме рабочих и служащих на Богомолстрой. Стали прибывать люди. Трест «Уралмедь» командировал инженеров и техников, и началось строительство электростанции и жилищ. Кушвинский райпотребсоюз открыл небольшой магазин. Вошли в ходатайство о создании на месте строительства органов власти. Был избран первый поселковый Совет. Быстро строились дома, в которые вселялись рабочие. Где сейчас расположен город, было болото и лес, люди собирали грибы и ягоды.

Николай Михайлович Ташкин,
начальник «Богомолстрой»

Я.Х. Граудин

В декабре 1925 года на стройке работало 600 человек.

В 1926 году было завершено строительство железной дороги со ст. Верхняя к месту постройки завода.

В 1926-1927 годах управляющим «Богомолстрой» работал Я.Х. Граудин — латыш по национальности, один из первых советских хозяйственных руководителей. Я.Х. Граудин работал председателем райисполкома Гороблагодатского округа, он — участник Всероссийского съезда Советов (1918г.), делегат двух партийных съездов (XI-1922г, XVI-1930г.)

За период 1926-1927 годов строились в основном дороги, линии связи, шахты, жильё.

Строительство завода откладывалось из-за выбора места и технологии переработки сырья.

Выбор места строительства

В 20-30-х годах на месте будущего комбината и города шумела вековая тайга, и только на большом удалении друг от друга тускло светились окна домиков маленьких деревушек: Межень, Чирок, Салда, Бородинка, Ржище, Юрьевка. Здесь жили углежоги-лесорубы, рудокопы и золотоискатели.

Учитывая разбросанность разведанных месторождений, отсутствие каких-либо дорог первопроектировщикам и строителям было трудно определиться с местом строительства завода, а значит, и поселка вокруг него. Малая речушка Кушайка не обеспечивала бы потребности в воде, как будущего производства, так и рабочего поселка. Более мощные реки Тура и Салда были на значительном удалении от будущих рудников (10-12 км.) По этой причине мнения проектировщиков и строи-

Пришел первый паровоз со ст. Верхняя на «Богомолстрой».
Строители радостно его встречают. 1926 год.

86615

В бараке.
Первостроители медеплавильного завода. 1929 год

телей разделились. Часть из них предлагала строить завод на р. Салде и возить руду с рудников по железной дороге. В этом случае не нужно было строить водовод большой протяженности для нужд производства и жителей.

Другая же часть предлагала построить завод между шахтами Компанейская и Ново-Левинская, поближе к рудникам. При этом отпадала необходимость в строительстве железной дороги до Салды, плотины с водохранилищем и мостом и, наконец, возить руду за 12 км — от шахт к заводу. Для обеспечения водой предлагалось построить водовод большого диаметра длиной 10 км и насосную станцию на более полноводной реке Туре.

Поскольку Совет Труда и Оборона строительство возложил на Правление Уральского медного треста, именно тресту было дано право выбора места строительства. Специалисты,

инженеры треста «Уралмедь» решили строить завод на реке Салде по старинке, около воды.

Строительство началось в самый разгар зимней стужи 1925-1926 г.г. на реке Салде. Прибывший на стройку молодой инженер Злоказов на свой страх и риск сделал экономические расчеты, задавшись вопросом: во сколько же обойдется молодой республике перевозка строительных материалов на Салду, постройка железной дороги, моста, водохранилища, будущие перевозки руды с рудников до завода? Расчеты показали, что строить завод на Салде экономически невыгодно. Злоказову и его единомышленникам грозили серьезные неприятности: из треста «Уралмедь» пришла бумага от управляющего Шеффера с угрозой отдать под суд молодых инженеров за то, что они занимаются не своим делом.

Но выступление молодых инженеров, их расчеты не остались незамеченными. Они положили начало длительной дискуссии, борьбе идей и проектов, длившейся долгие два года.

Битва проектов была закончена, когда из Москвы, из Главметалла прибыл инженер Иванов. Тогда было окончательно установлено, что на Салде, действительно, заводу не место. Незачем гнать руду на завод у реки, лучше поставить завод между рудниками, а воду гнать по трубам к заводу.

Так был решен длительный спор о расположении строительства завода на месте существующего медеплавильного комбината ОАО «Святогор».

Всё было бы хорошо, но два года, безвозвратно потерянные на бесплодные дискуссии, привели к тому, что выстроенные тяжелым трудом первостроителей сооружения и постройки, пришлось демонтировать.

Как делать медь?

Ещё в бронзовый век люди научились добывать медь из руды элементарно простым способом — обжигать её в ёмкостях на костре и из полученного остывшего расплава ковать орудия труда, охоты, украшения. Для печерного века такая технология получения металла годилась. Но как переварить сотни тысяч тонн руды с незначительным содержанием меди, цинка и получить десятки тысяч тонн меди в год?

В 20-30-х годах XX века в России и Европе медь получали по технологии одно-шахтной плавки. Эта технология, заимствованная от наших далеких предков, предусматривала строительство громоздких (длиной 8 м, высотой 8 м, шириной 3-4 м) шахтных печей из тугоплавкого кирпича, в которые загружалась крупнокусковая медная (медно-цинковая) руда с добавлением небольшого количества извести и каменного угля. Процесс плавки был автогенный: высокая температура обжига в печи создавалась за счет сгорания пирита (окисленной серы) с незначительной добавкой топлива (2-3% от руды). Полученный расплав — медный штейн — «доваривался» в конвертерах, где получали черновую медь (98% меди, 2% примеси). Рудная мелочь загружалась в отражательные печи, откуда также полученный расплав (штейн) поступал в конвертеры.

По такой технологии переработки рудного сырья работали «старшие братья» медеплавильного завода — Калатинский (Кировградский) и Карабашский. Однако при всей кажущейся простоте этой технологии, малом расходе количества топлива, она имела ряд существенных недостатков и экономически была невыгодна.

Новый способ обогащения руд или уравнивание с многими неизвестными

В начале 30-х годов американские ученые открыли новый способ обогащения руд, бедных по содержанию полезных компонентов, — флотацию. Собственно, этот способ придумали не ученые, а женщины — прачки. Они то и были первыми флотаторами: флотировали в мыльную пену частички грязи из белья.

Сущность метода довольно проста. Он основывается на свойстве мелкоизмельченных рудных зерен прилипать к пузырькам воздуха — пене. Руду дробят, измельчают в мельницах с добавкой воды, в пульпу добавляют реагенты пенообразователи, собиратели; продувают сквозь пульпу пузырьки воздуха. И рудные минералы, прилипнув к пузырькам воздуха, выплывут вместе с ними на поверхность. Далее сгребай их хоть лопатой, а лучше пеногонами, в желоба флотационных машин и — на обезвоживание готовых концентратов и твердых продуктов.

Таким образом шла подготовка (обогащение) руд перед металлургическим циклом переработки. Передовые советские инженеры с радостью ухватились за заокеанскую новинку.

Над тем, что думали Москва и уральцы, посмеялась Америка. Её смех раздался неожиданно, как выстрел. Он пришел по волнам океана на корабле, заверстаный в колонки журнала, где наши инженеры прочли об американском Октябре в медеплавильном деле. Американцы отбросили пиритную плавку меди, как мы отбрасываем соху. Они больше не сваливают руду как мы, в шахтные печи, губя серу, золото, серебро. Они сломали пиритные заводы. Они построили флотационные фабрики, на которых руду размалывают в мельчайшую пыль, обрабатывают маслами и заставляют медь отделиться от соседей по руде и плавать на поверхности пеной. После, уже пройдя стадию сгущения и фильтрации, медь идет в плавку в отражательные печи.

Флотация дала возможность использовать бедные руды, сделала самую бедную землю золотой «бешеной жилой». Благодаря этому методу американцы берут на любом рудоносном участке в 2 раза больше, чем мы.

Строительство обогатительной фабрики

Прочитав в американских журналах о новом методе, московские ученые почесали затылки и сказали:

— Пожалуй, не-
зачем строить новый
завод по допотопно-
му методу... Надо
флотацию ввести у
нас.

Уральцы выступили против. Их пугала неведомая дорога нового.

Их подстегивал медный голод. Наконец, они не доверяли первому зачинщику флотации — инженеру Иванову из Главметалла.

Долго и горячо кипели словесные битвы, у спорщиков лица накалялись докрасна, как горячий металл.

Из кабинетов спор перешел в научные лаборатории. Богомоловскую руду отправили на испытание флотирuemости в Томск — профессору Мостовичу, в Москву — Горной академии, в Ленинград — Механобру, в Германию — Гумбольдту и Круппу, в Америку — различным техническим фирмам.

Руда попала в международное кольцо. В трех странах мира, в восьми городах одновременно, в лабораториях люди склонялись над богомоловской рудой и «пытали» её. А в СССР враждующие стороны следили за испытаниями с замиранием сердца, как на конских бегах.

Быть может, потому, что руду послали плохую или она в дороге окислилась, но испытания за границей говорили, что богомоловскую руду невыгодно флотировать. Уральцы ухватились за это обеими руками и повели наступление, но были отбиты опытами профессора Мостовича, который проделал над рудой ровно сто опытов и каждый раз получал положительный результат.

Уральцы не сдались... Они бились за пиритную плавку до хрипоты в голосе. Но это не подействовало. Собрание в Гипромезе (Ленинград) целиком, кроме уральцев, высказалось за флотацию, основываясь на опытах томского профессора Мостовича.

По заявлению Мостовича, надо было провести лабораторные испытания на опытной флотационной фабрике, которую срочно следовало построить тут же на месте. На этой же фабрике, как на школьной скамье, надо посадить наших инженеров, техников, мастеров обучить их флотации, которую в СССР никто ещё не знает.

Иначе как же будет работать будущий завод-гигант, который должен кормить половину СССР медью.

Вокруг этой фабрики завязался спор.

Гипромез предлагал строить опытную фабрику мощностью на 100 тонн. «Богомолстрой» — на 25 тонн в сутки.

Наконец, Гипромез сдался согласившись на второй вариант.

И вот фабрики нет, ещё и не известно, когда будет. А на «Богомолстрой» уже приехал американский инженер-руководитель фабрики мистер Генри Каанта. Он мог бы уже обучать наших седых детей флотации, но пока ещё учится свистеть у таёжных соловьёв.

Так минуло три года — срок, назначенный СТО на постройку Богомоловского завода.

В буре беспомощности вырос за это время целый город. Над ним дрожат струны проводов.

Новые дома отливают янтарем. Громадные леса, ушедшие в небо, обнимают его. Выросли шахты и рудники. Комбинат «Богомолстрой» уже съел 9 миллионов. И очень авторитетный человек — управляющий «Богомолстроя» товарищ Устинов — сказал, разводя руками:

— «Богомолстрой» — это ещё пока уравнение со многими неизвестными.

И за пуск завода — кожаный костюм

*Из воспоминаний бывшего механика
Красноуральской обогатительной фабрики
Семена Ивановича Овнобишина*

Первая проходная комбината. 1929 год

В конце 1926 года Кушвинским райкомом ВКП (б) мы с женой были командированы на строительство Красноуральского медеплавильного завода («Богомолстрой»).

На «Богомолстрое» я поступил фрезеровщиком в механическую мастерскую Кампанейского рудника. Мастерская была маленькая: два токарных станка, один фрезерный, строгальный и группа слесарей.

Связь передвижения с «Богомолстроем» была санно-лесная. Приезжали на ст. Верхняя, поезд на «Богомолстрой» не ходил. Около станции извозчики, запряжена лошадь в сани, на санях короб, в коробе сено и тулуп. Сговариваемся с пассажирами (2-3 человека), нанимаем извозчика за 30-50 копеек с человека и едем.

Бытовые условия были неудовлетворительные. Было построено несколько квартирных домов и десятка два бараков. Мы по приезде остановились у начальника коммунального отдела, старого коммуниста Васильева Иосифа Андреевича. Через некоторое время нам дали квартиру в бараке №1, поместили в комнате площадью 18-20 кв. м две семьи. Так жили многие. Через некоторое время получили в этом же бараке комнату в 10 кв. м, а с расширением жилищного строительства в 1928 г. — отдельную квартиру.

В одном из бараков был открыт клуб. Здесь проводились общие, партийные и профсоюзные собрания трудящихся, работали кружки художественной самодеятельности, проводились концерты, небольшие постановки.

Где сейчас выстроены завод и город, в 1927 году мы стреляли косачей и глухарей. Управление рудника в начале строительства размещалось около леса по дороге с Левинского рудника. Однажды в управлении поднялся переполох: смотрите, смотрите! Все увидели, что перед окнами управления метрах в двухстах медведь задирает корову. Сообщили в общество охотников Колесникову Д.И. Пока ждали охотников и пошли облавой, медведь уже ушел.

В 1928 году была выстроена опытная обогатительная фабрика. Перед окончанием строительства и монтажа фабрики я был направлен, как выдвиженец, туда работать. Консультантом опытной фабрики был американец мистер Генри Каанта, начальником — инженер Азаров Александр Лаврентьевич, механиком — Полупанов.

К началу пуска фабрики был укомплектован рабочий состав. Остались работать на фабрике бывшие строители Киселев Михаил, Киселев Семен, Сметанин, позднее пришли работать на фабрику Смагин, Ганке, Дрехслер, Мухачев, Нагаев. Это и были первые обогатители на Урале.

Работать было трудно, знаний ведения процесса обогащения не было. Большая заслуга в обучении нас принадлежит Азарову А.Л. Он давал нам теоретические знания и на практике показывал, как вести процесс обогащения.

В 1929 году советское правительство заключило договор с Америкой о прохождении практики группы русских рабочих на Американских рудниках и обогатительных фабриках. Из Красноуральска должны были ехать за океан учиться я, как обогатитель и горняк Петр Букин. Начальник строительства Устинов Сергей Платонович, находясь тогда в командировке в Америке, из Нью-Йорка прислал телеграмму: усиленно занимайтесь изучением английского языка, вопрос командировки решен.

По окончании строительства корпуса большой обогатительной фабрики нас перебросили на монтаж оборудования. После окончания монтажа и при пуске фабрики назначили мастерами смен Нагаева, Мухачева и меня. Партийный комитет завода постановил организовать на фабрике партгруппу, а поскольку на фабрике членов партии не было, прикрепили к нам члена партии Ласкину (Бреховских). Партгруппоргом выбрали меня. Группа повела массовую работу среди рабочих, начали поступать заявления о приеме в партию. Помню, первым приняли Киселева Михаила Лаврентьевича. В течение полугода мы при-

Панорама и карьер Новолевинского рудника. 13.08.1930 г.

няли в партию Паньшина, Милькова, Милькову, Корсакова, Медведева, Могильникову, Анкудинова и ряд других товарищей. Потом прикрепили к нашей партачейке химлабораторию, цех сушки.

За пуск завода большая группа работников была награждена ценными подарками. Я получил в подарок кожаный костюм.

В 1935 году дирекцией завода и парторганизацией я был командирован на учебу в Уралказахстанскую промакадемию. Академию закончил в 1938 году, с отличием защитил диплом.

1926-1935 годы стали для меня большой жизненной школой, учителями которой были секретари парткома Киселев, Чупраков, председатель ККРКИ Черемисин, члены пропгруппы ЦК ВКПб Мкртчян, Виноградов, начальник строительства Устинов, инженеры Азаров, Попов, Логинов и дружные коллективы механической мастерской рудника и обогатительной фабрики.

Из воспоминаний Е.А. Болотова

Впервые я приехал на Красноуральский медеплавильный комбинат в августе 1925 года. В то время я работал на Калатинском (теперь Кировградском) медеплавильном заводе в должности инженера-конструктора по водоснабжению.

В конце лета того года меня вызвали в трест «Уралмедь», который находился в г. Невьянске, к главному инженеру Гончарову П.В. Он предложил мне выехать на строительство Медеплавильного завода в районе Богомоловских приисков на реке Салде с целью проведения рекогносцировочного обследования возможных источников водоснабжения завода и рудников. На месте я нашел полузаброшенный Компанейский рудник (Красногвардейский), состоящий из старого деревянного копра и нескольких жилых домов барачного типа. Там жил смотритель рудника тов. Мурзин, который и должен был оказать мне содействие в работе.

Я ездил дней пять по району, осмотрел реки Салду, Кушайку, место, выбранное под площадку завода, на правом берегу р. Салды. Источником водоснабжения для завода была принята р. Салда, с устройством на ней плотины значительной высоты; для Красногвардейского рудника — река Кушайка, также с устройством пруда, для Левинского рудника — р. Айва.

С конца 1925 года я начал ездить на «Богомолстрой» регулярно, пока в 1929 г. не переехал совсем.

В тресте было организовано проектное бюро по этому заводу. Я вел водоснабжение. Металлургическую часть вели инженеры: Диев Н.П. и затем Францев М.Е. В 1927 году проектирование этого завода было поручено организовавшемуся тогда Уралпроектбюро Уралсовнархоза, куда и был передан весь состав треста, занимавшийся проектированием, в том числе и я.

Много разговоров было по поводу места строительства завода. Я был против строительства в удаленности от рудников: перевозка руды и прочих грузов на излишнее расстояние стоила бы дороже, чем доставка воды по трубам. Доложил об этом руководству института, поднялся большой шум. Но экономический расчет весьма убедительно доказал, что выгоднее построить завод вблизи рудников.

Строительство насосно-фильтровальной станции на территории завода. 1930 г.

Таким образом, наша «инициативная группа» одержала победу. Было решено изыскать новую площадку завода, а начатое строительство на реке Салде прекратить. К тому времени там было построено несколько жилых домов и произведен разруб части площадки завода. Работы вел молодой инженер Попов А.В.

Мы приступили к разработке новых вариантов расположения завода. Рассматривали размещение его между рудниками — в районе р. Смехуновки. В конце концов, пришли к решению разместить площадку между рудниками — в сторону Сорьинского болота.

После выбора новой площадки завода пришлось заново организовывать изыскания водопровода. На площадку я трассировал с р.Салды линию водовода длиной около 6 км. Однако, когда площадка была перенесена к рудникам, я стал сомневаться в целесообразности забора воды из р.Салды. Дело в том, что на Салде, из-за её маловодности, требовалось строительство пруда (т. е. высокой плотины), т. к. иначе она не обеспечила бы завод и поселок водой. Кроме того, вода этой реки была сильно загрязнена стоками от Гороблагодатской обогатительной фабрики, от которых её очень

трудно было очистить. После ряда поисков я решил проверить возможность организовать забор воды из р. Туры, которая была значительно многоводнее Салды и имела хорошую, незагрязненную воду. Река Тура отстояла от площадки завода на 11 километров, т. е. почти вдвое дальше, чем р. Салда. Все же я начал здесь изыскание. И вскоре было принято решение о проектировании водопровода из р. Туры. Все мои расчеты были утверждены, и зимой 1928-1929 г.г. был разработан проект водоснабжения завода и поселка.

Зимой же я получил предложение от руководства строительства — начальника тов. Устинова С.П. и главного инженера тов. Гончарова П.В. — занять должность начальника работ по строительству водопровода на срок с 1929 по 1932 г.г. Мне давалось задание — пустить водопровод в эксплуатацию в 1931 году. Я не мог отказаться от завершения этого дела. И с мая 1929 года приступил к работе. На Левинском руднике была открыта строительная контора и три прорабских участка: головной на р. Туре, где надо было построить насосную станцию, водозаборные сооружения, плотину и туннель для водовода под железно-дорожной линией Гороблагодатская — Надежденский завод, кроме того — участок водовода протяженностью в 1 км и участок на площадке строительства, где строились насосно-фильтровальная станция, водонапорная башня, насосная станция оборотного водопровода завода, бассейны оборотной воды и сети протяженностью около 15 км.

В первый год строительства мы построили насосную станцию на р. Туре, подвели к ней электропередачу, построили участки водовода около 5 км (почти половину), заложили плотину на р. Туре, фильтровальную станцию и проложили несколько километров разводящих сетей; план работ этого года нами был выполнен на 100%.

В 1930 году вплотную приступили к строительству плотины на р. Туре, закончили насосную станцию, проложили ещё 3 км главного водовода.

В последний — 3-й год строительства — был закончен водовод и все основные сооружения водопровода и сети. Была закончена и плотина на р. Туре, только без затвора (его установили в 1932-1933 г.г. монтажники Ленинградского завода им. Кирова). Летом 1931 года водопровод был пущен. Моя миссия в Красноуральске закончилась.

Памятник рукотворный

... **В** вагоне поезда царит тот веселый и шальной сумбур, который не может быть нигде, кроме как в купе, набитых до отказа студентами, с их шутками, с беззлобным подтруниванием друг над другом, с песнями под гитару.

Черноволосый парень в очках поет:

Нас баюкают сосны древние
И стозвонные провода,
А нам с давнего снятся времени
Небывалые города.

Тихим аккордам гитары вторит ритмичный перестук вагонных колес.

— *Вы тоже в Красноуральск? — поднимает на меня взгляд белобрысое существо в рубашке цвета хаки — традиционной форме студенческих строительных отрядов. — Впервые?*

— *И да, и нет...*

Студентка смотрит удивленно, и я путано объясняю ей, что однажды уже бывал здесь, после окончания седьмого класса. Тогда нам вдруг очень захотелось романтики, и трое неразлучных друзей поехали из таежного поселка в Красноуральск, чтобы попасть на завод и научиться плавить. В металлургии нас, конечно, не взяли. А теперь я еду в Красноуральск по командировке редакции. Еду, чтобы пройти по следам человека, который строил этот город.

— *Как, один строил? — поражается соседка по купе. — Он что, очень сильный был, да?*

И рассмеявшись ее наивности, я все-таки ответил:

— *Да, невероятно сильный.*

Тут вмешался в разговор пожилой пассажир.

— *Вы о ком говорите? О Сергее Платоновиче Устинове?*

- О нем.
- Да, его у нас помнят. Это был человек-камень. Настоящий.

Он оживился, выдвинулся из глубины купе.

- И потому только мог взять на себя такую гряду дел по строительству первого завода первой пятилетки. И города тоже. В глуши, можно сказать, в тайге. И представьте, он уверен был, что такая махина ему по плечу. Да, человек он был необыкновенный.

Помолчал и вдруг заговорил торопливо, словно боялся, что пауза изменит смысл слов, которые он не сказал сразу.

- На всю жизнь Сергей Платонович остался человеком, готовым на риск и дерзание. Во всем! В любом деле!

С этим нельзя было не согласиться. Когда я ознакомился с биографией Сергея Устинова, то почувствовал, что в ней все значительно. И вместе с тем в ней нет ничего необычного.

Сын тульского оружейника, Сергей Устинов с ранних лет узнал цену трудовой горбушки хлеба. В 1913 году Сергей переехал в Питер, устроился на машиностроительный завод. В Питере же в 1915 году Устинов стал членом партии, вскоре в качестве специалиста-снарядника попал на Урал.

В Екатеринбурге Устинов устроился работать на снарядный завод. Злоказовский завод был по тем временам очень важным, и не только для Екатеринбурга. Рабочих здесь было много, и съехались они сюда со всего света. Народ был в преобладающем большинстве высококвалифицированный. Вот среди этих умельцев, знающих цену своим рукам и сноровке, и предстояло Сергею Устинову как коммунисту, вести большевистскую агитацию. В 1916 году, в самый канун революции в ноябре, его арестовали за агитацию против войны, за призыв к свержению царизма.

В 1924 году Сергей Устинов прибыл на Карабашский медеплавильный комбинат. По ночам, анализируя механизм управления вверенного ему предприятия, он часто думал, что у этих «мистеров» стоит поучиться деловитости.

Сергей Платонович Устинов, первый директор завода с первостроителями (сидит 2-й слева)

В июле 1928 года стройку возглавил Сергей Платонович Устинов, главным инженером назначен П.В. Гончаров, зав. постройки и эксплуатации обогатительной фабрики — американец Генри Каанта.

Руководитель строительства С.П. Устинов, энергичный и волевой, умел организовать тысячи людей, вдохнуть в них мужество, веру в свои силы, стремился к быстрейшему вводу в эксплуатацию нового медеплавильного комбината. У него был уже опыт в восстановлении металлургического производства в Карабахе, в 1929 году он был в служебной командировке в Америке, решал вопросы проектирования, обеспечения оборудованием и кадрами специалистов новых производств (как рабочих, так и ИТР), одновременно перенимая опыт лучших американских предприятий.

Судьба уготовила Сергею Устинову новый, трудный, ответственный пост в пору становления социалистической индустрии, в кольце экономической блокады и бойкота, когда молодой стране нужен стал свой, а не купленный втридорога за границей цветной металл. Ему поручили освоить в короткий срок новое меднорудное месторождение, в несколько раз увеличить производство меди на Урале.

Город назвали Красноуральском. Собственно, не было никакого города, когда Сергей Устинов приехал сюда впервые. Несколько ветхих строений барачного типа, а кругом лес, камень, болотные топи...

Прибыв по партийному решению на новое место работы, он не произносил известной фразы: «Здесь будет город заложен». Эта фраза была сказана намного раньше. Но курс на социалистическую индустриализацию страны поставил задачей превратить страну из ввозящей машины и оборудование в страну, производящую машину и оборудование. А какие могут быть машины без черного и цветного металла? Тогда уже было решено, что поставщиком черного металла станет Магнитка. Цветной металл должен был дать Красноуральск. Эти два завода назывались первоочередными стройками первой пятилетки. Пробивая тот или иной вопрос в области или Москве, С.П. Устинов как самый веский аргумент выкладывал:

— *Красноуральск — это же Магнитка цветной металлургии.*

И почти всегда этот довод помогал. Между тем в лесу, в тайге, развертывалась стройка небывалого масштаба. Возводилась теплоэлектроцентраль, закладывались медные шахты, строились корпуса медеплавильного комбината, прокладывалась железнодорожная ветка, поднимался город...

Кто считал, сколько пришлось переживать создателям завода, чтобы первая медь Красноуральска отправилась на машиностроительные предприятия? Нет меры ни поту, ни потраченным нервам, ни бессонным ночам.

Сергею Платоновичу, наверное, было легче, чем другим. У него за плечами был богатый опыт. Он директорствовал в Карабаше. И надо сказать, успешно директорствовал. Потом работал в тресте «Уралмедь» коммерческим директором, а перед Красноуральском управлял трестом «Уралмедьстрой».

Говорят: в тресте — одно, а на стройке — другое. Здесь надо дело иметь не с бумагами, а с людьми. А у него и этот опыт, можно сказать, в кармане был. До Карабаша он работал в Губпрофсовете и Уралпрофсовете. Занимался непосредственно трудом и зарплатой. Был когда-то и агитатором.

Рядом с заводом и рудником поднимались этажи домов, вырастали школы, Дворец культуры, хлебокомбинат, детские сады...

Я представляю Устинова только по рассказам знавших его людей. И те, с кем он вынес всю тяжесть «работы адовой», о нём говорят скупно, но твердо:

- *Сергей Устинов был настоящий работник. Вот помню, однажды — холод, грязь по колено, а он к бетонщикам: «Давайте, ребята, к зиме надо цех под крышу подвести». Ему отвечали:*
- *«Командовать-то все мастера, а вот попробовал бы ты в котлован спуститься, небось другое бы запел,»*
- *И тут же убеждались, что не на того напали. Сергей умел все. В том числе бетон готовить и бетонировать. Ребята краснели и зачарованно смотрели, как легко и сноровисто действовал он на их месте. Даже теперь, три десятилетия спустя, о нем говорят, что себя он не жалел, как двухильный, работал.*

И еще говорят:

- *У него был твердый, прямо-таки непреклонный характер. Он не умел любить, или ненавидеть наполовину. И в работе придерживался того же принципа.*

Завод пустили в конце 1931 года. Первый день нового, 1932 года, стал для красноуральцев двойным праздником. В этот день комбинат официально вошел в строй действующих. Приемная комиссия скрепила этот факт специальным актом, а руководители — рапортом. «Уральский рабочий» поместил рапорт на первой полосе, сопроводив аншлагом: «Красноуральский медный комбинат работает». В статье говорилось: «Красноуральский медеплавильный гигант вошел в строй социализма. Вся царская Россия давала в год 33 тысячи тонн меди, а полная мощность комбината значительно больше».

После пуска завода С.П. Устинов оставался в Красноуральске всего два месяца. Уже в марте 1932 года ему предложили принять строительство Среднеуральского медеплавильного завода.

Спешно завершив неотложные дела в Красноуральске, Сергей Платонович отправился в Ревду. Ехал он с охотой. В голове роились новые планы. Ведь теперь в его активе был опыт строительства медеплавильного завода в Красноуральске. А кроме того, он побывал в шестимесячной научной командировке в США. И он, в самом деле, внес много нового и интересного в строительство СУМЗа. Здесь в полной мере развернулся его талант, талант организатора и строителя.

— *До свидания!*

— *Доброго пути! — машу я рукой шумной студенческой ватаге.*

Им сегодня еще предстоит добираться в таёжный палаточный поселок, где они будут жить и строить. Есть такая восточная мудрость: тот человек жил не напрасно на земле, который посадил дерево, построил дом и вырастил сына и дочь. В этом смысле, у ребят из студенческого отряда все отлично: они построят не дом, а целый город. И будут в этом городе рождаться дети и шуметь листвой деревья. Мы прощаемся. Им дальше. А я остаюсь здесь. Это конечный пункт моей командировки. Еще раннее утро, но я пройду этот город пешком из конца в конец.

Я искал человека, который строил Красноуральск. И нашел его. Нашел воплощенным в город. И стоит теперь этот город, как памятник его делу, его неумной энергии.

Человек из Колорадо

Когда человек стар, его годы падают, как деревья, срубленные в лесу. На корнях пережитого остаются тлеющие пни. Таков удел стариков. Но минувший 1928 год оставил в сердце Гайзизулы немеркнущий огонь надежд. Этим он обязан человеку из штата Колорадо, по имени мистер Каанта.

Мистер Каанта часто сидит в кресле, положив ноги на стол. В трубке у него дымится нездешний табак, пахнущий медом. Он по-детски открывает рот и пускает дым кольцами, которые колеблются в воздухе и исчезают. На лице его, как плод на яблоне, зреет улыбка нездешней мудрости, в глазах за роговыми очками дымятся нездешние думы. И когда грусть летит в его сердце, словно птица в гнезде, он видит сквозь стены уральской тайги края, оставленные за океаном. Так мистер Каанта иногда проводит долгие часы на флотационной фабрике, которая гремит среди диких лесов «Богомолстро́я» громом его далекой родины. И все окружающие исполнены уважения к мистеру Каанта, ибо знают, что он своей упрямой жизнью завоевал себе право сидеть в кресле, положив ноги на стол, и пускать дым кольцами.

Двадцать лет назад Генри Каанта был ещё молодым парнем. В штате Колорадо, в городе Денвере, он готовился стать инженером. Над Америкой тогда висела опасность истощения недр. Смерть угрожала всем заводам, производящим цветные металлы. Тогда Генри Каанта и сотни ему подобных парней стали обучаться флотации — технике обогащения бедной руды. Он овладел этим искусством так же хорошо, как старей Гайзизула когда-то владел кайлом шахтера. И на его долю выпало несколько обновить новый свет. Он странствовал из штата в штат. Аризона и Юта, Калифорния и Теннеси, Мексика и Колорадо — повсюду, где заводы высосали сокровища земли, появлялся Генри Каанта со своим обогащательным искусством. Перед его лицом исчезали в пыли разрушения старые заводы, в дыму азарта рождались новые заводы и флотационные фабрики.

До того, как он явился сюда, судьба «Богомолстро́я» бродила по миру. Инженеры спорили — строить ли здесь медеплавильный завод по уральскому способу или по новому американскому способу, в котором они понимали столько же, сколько

Американский специалист инженер-обогачитель Генри Каанта (слева) и инженер-обогачитель Азаров Александр Лаврентьевич. 1928 г.

Гайзиула в Библии. Споры растянулись на три года и сеяли уныние. Часто раздавались такие речи:

— «Богомолстрой» — гиблое место! Загнали туда девять миллионов, и хватит! Надо поставить крест. Лучшее потерять девять миллионов, чем тридцать шесть!

Тогда в старом сердце Гайзиулы сомнения росли, как мох на болоте. Он видел город, выросший в тайге, он видел пройденные шахты, но не видел завода, от которого страна три года напрасно ждет меди. Он говорил, глядя на людей, хлынувших сюда наводнением:

— Убийцы! Они убивают народные деньги!

Чтобы окончательно решить участь «Богомолстроя», комиссия советских профессоров и инженеров отправилась в Америку изучать медеплавильное дело. Они двигались из штата в штат по заводам и обоганительным фабрикам — по дорогам, по которым когда-то странствовал мистер Каанта, насаждая флотацию. наших ученых пускали на заводы с опаской, стерегли как воров. Но и сквозь дым недружелюбия они увидели головокружительные высоты американской техники. Флотация (обогащение руды) пленила их. Они увидели, что флотация позволяет использовать бедную руду, которая у нас считается отбросом; что из земли можно поднять новые сказочные богатства, которые при уральском способе производства не стоят ни гроша. Тогда же богемоловская руда была отправлена в Америку на испытание. Фирма Алисс Чалмерс испытала руду и сильно огорчила наших ученых. Она ответила, что богемоловскую руду невыгодно флотировать, ибо она отдает только 65% меди, содержащейся в ней, а надо гораздо больше. Противники флотации тогда окончательно решили, что нам с Америкой не по пути.

Но именно это заинтересовало мистера Каанта. Он явился в Нью-Йорк к советской комиссии, ознакомился с результатами испытания руды и заявил:

— *Если Алис Чалмерс получил только 65%, это значит только то, что он не сделал всего необходимого, чтобы получить больше. Конечно, это трудно, но интересно...*

И вскоре Гайзизула увидел мистера Каанта на «Богомолстрое». Это было в январе. Снег осыпал тайгу, ледяные ветры качали мохнатые заросли, безумные бури застилали небо, нависшие над лесами. Человек их штата Колорадо, привыкший к другим ветрам, одетый в русский полушубок, возился у шахты «Коминтерн» среди засыпаемого снегом рабочего муравейника и под снежными бурями вырастил флотационную фабрику. Партийная ячейка послала на эту фабрику своих людей — выживенцев. Они понимали, что это — главная баррикада технической революции. Но они были здесь как слепые, их глаза были завязаны повязкой тайны. И рабочий Шагбудинов — член окружкама партии — в первый же день сказал человеку из Колорадо:

— *Товарищ мистер Каанта, личность у нас не является хозяином, мы все сами хозяева. Пожалуйста, не скрывай от нас ничего. Говори, что к чему...*

Мистер Каанта ответил с философской усмешкой и непоколебимой уверенностью:

— *Хозяин может быть только один, — сказал он и повел весь персонал фабрики за собой на мостик к бункеру, куда руда поступает прямо из шахты. Не сказав ни слова, он обвел всех пристальным взглядом и показал жестом немого.*

— *Вот!*

Все поняли, что надо следить за ним и притаили дыхание. Его руки заработали четко и раздельно — так читают по складам в школе для неграмотных. Один за другим сомкнулись рубильники. Заплясали машины — каждая свою пляску. Дробилка схватила железными челюстями руду, брошенную с лопаты,

яростно загрызла ее, высекая искры, пуская пыль изо рта. Замелькали ковши, подхватывая разбитую руду, унося ее железным потоком вверх. Вот руда снова вынырнула из тьмы. Она катилась по желобу, словно с горы. Пенистый поток воды гнал руду в мельницу. Мельница завертелась бронированным телом, словно гигантская железная бочка, издавая неслыханный гром, гром далекой Америки. Здание фабрики наполнилось железным бураном, более сильным, чем буран, бушевавший над крышей. Мистер Каанта вел себя, как среди укрощенных зверей. И все видели, что машины ему покорны. Из мельницы вырвался помутневший ручей, неся в своих звенящих струях муку, смолотую из медного колчедана. Ручей падал в узкое ущелье классификатора, под железные лапы, которые отбирают для перемола пылинки руды размером более семи сотых миллиметра. Из классификатора ручей ворвался в глотку труб и принес смолотую руду в открытый неподвижный ящик, называемый флотационной машиной «Макентош». Эта машина не гремела. Она говорила шопотом, творя свое чудо. Мистер Каанта пустил туда смоляное масло и струю воздуха из насоса. На поверхности блеснула, качаясь, сеть мыльных пузырей, напоминающих глаза коровы. На оболочке пузырей всплыли черные пылинки. Человек из Колорадо показал своим ученикам:

— *Это медь!*

Да, это была медь! Пена унесла ее вперед по желобу, сквозь вибрационные столы, сквозь трубы, и вскоре она показалась в большом чане сгустителя, в виде густого теста, готовая к плавке.

— *Вот!* — сказал мистер Каанта, показывая на глаза. Он расставил рабочих у машин и предложил повторить все, что он делал. А к вечеру вызвал выдвиженцев — комсомольца Шишова, молодого слесаря Ознобишина и с помощью переводчика предложил им сказать, что они не понимают. Беседу с ними он закончил строгим напутствием:

— *День и ночь думайте о том, что вы делаете!
День и ночь!..*

УДАРНАЯ СТРОЙКА ПЕРВОЙ ПЯТИЛЕТКИ

В 1929 году строительство комбината объявляется ударной стройкой первой пятилетки. В короткие сроки заканчивалось строительство Компанейского (Красногвардейского), Ново-Левинского рудников и рудника им. III Интернационала (г. Н. Тагил), а также обогатительной фабрики. Полным ходом велось строительство металлургического производства.

В июне 1930 года на строительстве работало 7,5 тысяч человек, а население поселка, переименованного в Уралмедьстрой, составило 18 тыс. человек. Поселок стал областного подчинения.

Журнал «Цветные металлы» (№ 4, 1931 г.) сообщал о комбинате: «В число ударных строек Союза включено строительство гиганта цветной металлургии — Красноуральского медеплавильного комбината. Об исключительном народнохозяйственном значении этого строительства дают представление цифры: комбинат в 1932 году дает больше меди, чем было выплавлено всеми медеплавильными заводами Советского Союза в 1930 году.

Отличие Красноуральского медеплавильного комбината от других медьполучающих предприятий СССР заключается в том, что он строится по последнему слову техники. Можно без преувеличения сказать, что по технике комбинат будет стоять выше однородных предприятий Европы и Америки.»

О масштабах стройки могут говорить такие цифры. Стройкомом ВСНХ СССР от 14.01.29 г. был утвержден проект рабочего поселка на 8500 жителей, а на конец 1931 года население составило 30 тыс. человек. Постановлением ВЦИК СССР от 10.06.31 г. рабочий поселок переименован в Красноуральск и 1 января 1932 года утвержден в правах города.

Красноуральский медеплавильный комбинат создавался по наиболее совершенным для того времени технологическим решениям, в разработке которых принимали непосредственное участие ведущие специалисты цветной металлургии: профессора В.Я. Мостович, Н.П. Асеев, В.А. Ванюков, Х.К. Аветисян, В.И. Смирнов, инженеры А.С. Шахмурадов, Е.Г. Деречей, Ф.М. Бреховских и др.

Строительство и годы становления медьзавода

Строительство комбината в Красноуральске явилось одной из ярких героических страниц в истории создания цветной металлургии страны, как по размаху стройки в глухих таежных местах, так и по мужеству, героизму и упорству строителей.

Медеплавильный гигант строился без средств механизации. Тысячи крепких рабочих рук, вооруженные киркой, лопатой, носилками да сотнями подвод лошадей, сделали, казалось бы, невозможное.

Газета «Уральский рабочий» в ноябре 1931 года писала: «В глухом районе, на болоте, в чрезвычайно трудных условиях строился этот комбинат. Ценою огромных усилий закончены первые секции обогатительной фабрики, разрешен вопрос о флотации руд, сам по себе представляющий огромные технологические трудности. Не надо забывать, что в СССР это первый завод, рассчитанный на обогащение и плавку руд с бедным содержанием меди в руде».

Вот как вспоминает о строительстве комбината первостроитель Алексей Николаевич Пахомов:

«...15 мая 1929 года на Урал-медьстрой приехала группа плотников — костромичей. Нас было более 50 человек. Вместе со мной приехали на стройку три моих брата — Александр, Василий и Михаил.

Нашу бригаду, под руководством старшего брата Александра, включили в состав первого участка на строительстве обогатительной фабрики. Мы делали опалубку для бетонщиков, возводили леса и другие деревянные конструкции. Все работы велись вручную. Мы хорошо понимали важность

своевременного ввода в строй первенца советской металлургии и работали, не щадя сил, в две смены.

Питались в небольшой столовой, был в поселке маленький магазин, а кругом лес и болото».

В дальнейшем А.Н. Пахомов работал на ответственных участках в строительных цехах комбината, много сил отдал воспитанию подрастающего поколения, активно участвовал, уже будучи на пенсии, в создании историко-производственного музея комбината.

Из воспоминаний делегата VIII Чрезвычайного Съезда Советов, принимавшего Конституцию страны, почетного гражданина города Красноуральска Михаила Лаврентьевича Киселева

«...После службы в Красной Армии в 1928 году я по вербовке приехал на Урал строить медеплавильный завод. Многие не выдерживали тяжелой работы, сбегали отсюда. Из нашей группы, первоначально насчитывавшей 40 человек, осталось всего восемь. Видя наши старания в труде, нам предложили остаться работать на опытной обогатительной фабрике, которую мы строили. Позднее нас перевели работать на основную фабрику, где мы монтировали флотационные машины и другое обогатительное оборудование. Ох, нелегко было осваивать заграничную технику, да и грамота у нас какая была? — три-пять классов сельской школы. Рабочие во всех сменах были из деревни, никогда не видевшие машин.

Измельчительное отделение фабрики не справлялось с нагрузкой, не получался тонкий помол руды. Руда с шахты поступала очень влажная, а потому на вторичных бункерах она не проходила через сектора, её надо было подребать сверху и шуровать снизу.

Поставили подгребщиков. Их работа была очень опасной. Подгребщики висели на веревках в бункерах и подгребали руду к питателям. Почти каждую смену отключали электроэнергию, а после такой остановки все заваливало песком.

Но мы должны были давать концентрат! Индустрия молодой республики требовала много меди, и мы это хорошо понимали, старались работать по-ударному».

История донесла до нас фамилии лучших производственников: токарь Котовщиков, слесарь Порошин, столяр Тонечин, металлург Кибардин, маляр Кобзырев, строители — Конусов, И. Устименко, А. Солодухин, Матвеев, В. Тележка, Фарахов, Пашков, И. Куликова, Е. Жабкин, Охиемин, Ямов, В. Пахомов, Потапов, П. Тепленичев, П. Шкотский, И. Иванов и др.

Победителями в соревновании бригад выходили строители под руководством бригадиров Насекина, Закирова, Цапина, Савичева, Лескова, Амангулева, Попова, Шумилина, Канашина, Чердынцева, Глезденева, Кашина, в лесопильном цехе — бригадира Шубарина, на шахтах — Тагирова, Белкова, Букина и др.

В многотысячном коллективе активно работали партийная, профсоюзная и комсомольская организации. Совместно разрабатывались условия соревнования, совместно подводились итоги.

Из воспоминаний первостроителя В. Степанова

«В мае 1930 г. я приехал на ст. «Колчедан» (так называлась нынешняя ст. «Медь») на новостройку первой пятилетки. Вокруг лес... куда идти? В глубь — только одна просека, по которой было проложено железнодорожное полотно. По шпалам и отправился искать город. Но блуждать не пришлось. Шпалы привели к месту стройки.

Приняли меня арматурщиком, работали мы по 10-12 часов, возводили каркасы колонн обогатительной фабрики — надо было быстрее обеспечивать фронт работ для бетонщиков. Перед началом смены мы всегда знакомились с пока-

зателями работы. На красном щите отмечались ударные бригады, а на черном — прогульщики, бракоделы.

В 1931 году меня приняли в комсомол. Вскоре я стал бригадиром, секретарем комсомольской ячейки. По инициативе комсомольцев была на стройке открыта интересная витрина, на ней были нарисованы самолет, автомобиль, лошадь, черепаха и рак, под ними записывались бригады. Работа лучших сравнивалась с самолетом, а худших с раком. Лозунг под щитом гласил: «Кто едет на раке, тот пусть живет в бараке!». Это было одной из

форм и методов воздействия на нарушителей трудовой дисциплины. К нарушителям трудовой дисциплины применялась мера выселения из домов в бараки или лишения талонов на обед. Широко применялось обсуждение на рабочих собраниях, товарищеских судах, регулярно заполнялись «Доски позора», вывешивались «Молнии», сатирические стенгазеты. Активно помогали налаживать дисциплину на производстве и порядок в жилом поселке «синеглузники».

Передовики строительства награждались грамотами Ударников, специальными жетонами, денежными премиями, различными товарами, путевками в дома отдыха и санатории. Знамена победителям вручались непосредственно на строительных площадках. Избрание в президиум было высокой честью и сопровождалось бурными аплодисментами,

1933 год. Первые шаги гигантской индустрии Урала.

Нелегко еще было тогда с питанием. В рабочих коллективах были организованы первые столовые, которые назывались цехами питания. Передовикам производства в них оказывалось предпочтение.

«Ударникам без очереди», «Ударник, предъяви свой билет — получишь третье блюдо!» — гласят объявления в рудничной столовой города Красноуральска.

Фото Л. СУРИКА

В каждой комнате жила семья, независимо от количества проживающих. Была одна общая кухня, вода привозилась в бочках, каждый брал ведрами по потребности семьи.

Вдоль улицы ездили на лошадях, летом — по настланным жердям. В сырую погоду по глине проехать было невозможно, по колону тонули в болотистой почве.

В войну построили сернокислотный цех, и это производство после войны присоединили к медьзаводу, а бараки снесли, их было тогда более 28. Теперь на месте бараков и конного двора пустырь, заросший кустарником.

Когда-то в этих местах росли кедровые деревья и стояло болото. Сегодняшняя молодежь, да и красноуральцы пожилого возраста вряд ли знают, что было в те времена Вербное озеро, изобилующее водоплавающей дичью.

До Отечественной войны весь город был в пнях, затем пни выкорчевали, сожгли в печах. На этих участках сажали картофель. После войны на улицах города ни одного пня уже не было, стали рассаживать саженцы тополей, их объедали стада коз, и чтобы не объедали козы, каждую посадку огораживали вокруг изгородью.

Поселок около медьзавода до ДК тогда назывался Новый завод. Поселок от ДК «Металлург» до Горгаза называли 12-ый километр, поселок Дачный — 24-ый километр, школа №1 в 30-х годах носила имя Покровского — историка, первым написавшего в советское время учебник по истории народов СССР, который одобрил В.И. Ленин.

Школа фабрично-заводского ученичества (ФЗУ) начала работать с 1 сентября 1932 года в классах средней школы №1. Здесь учились группы горячак, обогатителей, металлургов. В этом же году открылся Дворец культуры «Металлург».

Макет деревянного барака.
Музей ОАО «Святогор».

Проба сил

Строительство в 1931 году производилось хозяйственным способом с подразделением на промышленное, жилкомсоцбытовое, водопровод и канализацию, железнодорожное, грунтовые дороги, электро- и механо-монтажное, теплофикацию и вентиляцию, геолого-разведочные работы, горно-проходческие работы капитальных шахт, горные работы по добыче нерудодископаемых.

Проектирование по перечисленным выше видам строительства производилось большей частью «Уралмедьстроем», частично проектирующими государственными и кооперативными организациями и в незначительной части частными лицами, известными управлению «Уралмедьстрою».

Проектами строительство 1931 года было обеспечено полностью — за исключением сооружений капитальных шахт на обоих рудниках (Левинском и Компанейском), а также угледробильной фабрики и обжигового цеха на заводской площадке. Сметами было обеспечено лишь жилищное строительство. Отсутствие смет объясняется недостатком технического персонала. Запоздание в получении проектов постройки обжигового цеха и угледробильной фабрики произошло в виду их проектирования в Америке.

В течение всего года ощущался недостаток в строительных материалах: цементе, гвоздях, кирпиче, песке, алебастре и так далее. Алебастра поступало так мало, что жилье сдавалось в эксплуатацию неотштукатуренным. В целях борьбы с дефицитностью было поставлено свое производство бесцементных камней связующего шлака-трепела, имелся кирпичный завод, лесопильный завод и столярный цех. Лишь на 60 процентов стройка была обеспечена рабочей силой: остро не хватало плотников, подсобных рабочих, рабочих гужевого транспорта.

Финансирование строительства производилось: по промышленному строительству — Банком долгосрочного кредитования, по комсоцбытжилстрою — Центральным коммунальным банком. Всего было израсходовано 19017 тысяч рублей.

Копер шахты.

Задержка строительства, текучесть кадров привели к тому, что завод был пущен частично — и не в апреле 1931 года, а в сентябре. Это стало одной из причин того, что производственная программа года была не выполнена.

В течение 1932 года были введены в эксплуатацию котельно-силовое хозяйство, насосная станция, угольная фабрика, воздухоудовка, углеробилка, конверторный цех, градирня, подстанция № 2, труба № 2, школа-десятилетка, универмаг, детские ясли, картофелехранилище, 26 жилых домов, водопроводная магистраль от реки Тура (расстояние 12 км), водонапорная башня, насосно-очистная станция.

Показатели работы основного оборудования таковы: отражательная печь начала работать с 1 июня 1931 года, а конверторный цех с сентября 1931 года. За этот год отражательная печь дала 89025 тонн штейна, из которого 5320 тонн переплавили на черновую медь, а остальное в виде холодного штейна перешло на 1932 год. Комбинат только запускался, «пробовал свои силы» — и уложиться в себестоимость продукции тогда не удалось.

Где жили...

Жилые дома строились по стандартным проектам: двухэтажные восьмиквартирные трехкомнатные с кухней — рубленые и каркасные. За один год было построено двадцать шесть жилых домов общей жилой площадью 9050 квадратных метров. Из общего фонда 74740 квадратных метров в пользование рабочих предприятия предоставлено 63061 квадратный метр. Остальные заняли рабочие и служащие продснаба, сельхозкомбината, общественных организаций, органов советской власти... Кроме этого, 3089 квадратных метров было занято учреждениями. Вместо положенных 6 квадратных метров, на одного жителя приходилось 3,44 квадратных метра. Жилье имели только 57, 3 процента населения. Семьи инженерно-технических работников жили в сравнительно лучших условиях: на их долю приходилось 6,37 квадратных метра жилья на человека. Неудивительно, что план по жилищному строительству в сумме затрат был выполнен только на 60 процентов.

Увеличился процент охвата общественным питанием — до 32,9 процента. Но этого было явно недостаточно: поселок был построен с расчетом на охват до 75 процентов всех проживающих. Из 15-ти столовых 13 были закреплены за цехами завода. Для ИТР открыли спецстоловую.

В поселке работала одна больница, расположенная в пяти бараках на 230 койко-мест, одна лаборатория с пропускной способностью 600 человек в день. Имелось три здравпункта при цехах, один зубоветеринарный кабинет, трое яслей. Если учесть, что работающее женское население поселка составляло тогда 1200 человек, а позднее 2000, то детских учреждений явно не хватало. Спортсооружений тогда не было, даже школа еще только строилась. Детей учили в ФЗУ.

Как работали...

В отчете за 1931 год по технико-производственным показателям констатировалось:

- добыча колчедана составила 190286 тонн;
- переплавлено медного концентрата — 16024 тонны или 13,4 процента от годового задания;
- получено черновой меди — 730 тонн или 83 процента от годового плана.

Предполагалось, что медеплавильный цех начнет работать со второго квартала 1931 года и выдаст меди во втором квартале — 715 тонн, в третьем — 3600 тонн, в четвертом — 4700 тонн. Предполагалось также, что комбинат войдет в стадию эксплуатации и к четвертому кварталу разовьет почти полную проектную мощность первой очереди по медеплавильному цеху.

Но по медеплавильному цеху было допущено серьезное отставание. Вместо намечавшегося во втором квартале пуска, отражательная печь была пущена в начале сентября. Первая медь красноуральского комбината получена 4 сентября 1931 года. В сентябре была получена 231 тонна меди, в октябре — 65 тонн, в ноябре — 266 тонн, в декабре — 178 тонн.

Пуск медеплавильного цеха задержался из-за отставания по монтажу воздуходувок и конвертеров вследствие позднего получения оборудования и магнезитового кирпича для футеровки конвертеров, а также из-за опоздания монтажа грейферных кранов и углемольного оборудования, необходимого для отопления отражательных печей.

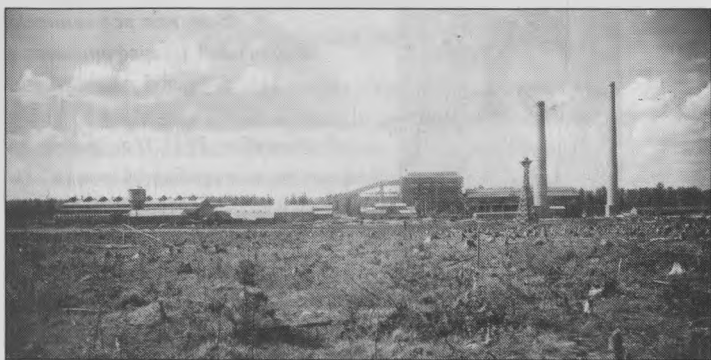
Нагрузка конвертеров не превышала 25 процентов от возможной. Незначительная нагрузка отражательной печи объяснялась недостатком медного концентрата (концентрат был без обжига). Часто печь простаивала из-за ремонта боровов и отсутствия электроэнергии. Ломались и воздуходувки, что негативно сказывалось на работе конвертеров.

1931 год нельзя считать годом пуска комбината в эксплуатацию. Правильнее считать его периодом затянувшегося пуска. «Главцветметзолото» также не сочло возможным считать комбинат сданным в эксплуатацию, а потому распоряжением управляющего Л.П. Серебровского «Красноуральский медеплавильный комбинат считается вступившим в первый год эксплуатации с 1 января 1932 года». Это подтверждается и Постановлением ВСНХ СССР от 9 января 1932 года.

«Красноуральский гигант даст первую медь», —
писала газета «Уральский рабочий»

Красноуральский медеплавильный завод накануне пуска. 5.VI.1931 г.

**«Красноуральский гигант даст первую медь», —
писала газета «Уральский рабочий»**

1 сентября 1931 года в 12 часов ночи после ряда испытательных вступили в строй воздухоудовная станция и первый конвертер. В течение 40 минут ударники погрузили 30 тонн расплавленного штейна, через 36 часов конвертер даст первую медь. Подготовка к пуску новых агрегатов на всех участках завода проходила в условиях громадного подъема творческой активности масс. На площадке жилищного строительства состоялся массовый субботник с участием свыше 400 рабочих.

Первый конвертер и отражательная печь пущены. Задача — большевистскими темпами монтировать второй конвертер и вторую отражательную печь.

4 сентября 1931 года смена конвертерного передела товарища Федорова выдала первую плавку черновой меди. Варил медь в сорокотонном конвертере А. Шарафутдинов, один из первых строителей, приехавший на «Богомолстрой» в 1925 году. Он стал впоследствии знатным металлургом, кавалером ордена Ленина, Трудового Красного Знамени. Наставником, великолепным мастером конвертерной плавки был старший мастер конвертерного передела С. Абасв, приехавший на пуск цеха из Карабаша.

**Вот как вспоминает
Абдурахман Шарифутдинов о
первой плавке меди:**

«4 сентября 1931 года огненная лава потекла из пробитой летки от-ражательной печи, по желобу пошел штейн, наполнились ковши, из них штейн залили в конвертер. С радостным чувством и с большим волнением обслуживал я конвертер, где варилась медь. И вот медь готова. Громкое «ура» раздалось в цехе. Рабочие качали друг друга от радости. Особенно долго подбрасывали вверх и бережно принимали на руки начальника металлургического цеха Ф.М. Бреховских. Нашей радости не было конца...».

Огромный вклад в пуск предприятия, металлургического производства вложил молодой советский инженер, выпускник ВУЗа, приехавший в качестве первого советского специалиста-металлурга, — Федор Михайлович Бреховских. Начав свою трудовую деятельность конструктором медеплавильного завода, он дорабатывал рабочие чертежи основных технологических линий, придумывал новые технические решения. Пуск медеплавильного производства лежал на нем, на его инженерном таланте, на его творческой мысли. Именно начальник цеха вселил коллективу уверенность в успешном освоении технологии. В дальнейшем Ф.М. Бреховских работал главным инженером завода, много сил отдал подготовке квалифицированных кадров. С 1936 года на руководящих должностях он работал на Карабашском комбинате, в «Южуралникеле», активно принимая участие в развитии отечественной цветной металлургии. За разработку принципиально новых направлений в технологии цветных металлов Ф.М. Бреховских дважды присуждалось звание Лауреата Государственной премии СССР.

Дана первая медь

7 сентября 1931 года газета «Уральский рабочий» под заголовком «Первая медь дана» помещает телеграмму начальника «Уралмедьстроя» Устинова, секретаря райкома Чивилева и председателя заводрудкома Низовцева, адресованную секретарю Уралобкома ВКП(б) Кабанову и председателю Уралсовета Осивинцеву:

«Постепенно вводя в эксплуатацию рудники и вспомогательные цеха, сооруженный героическими усилиями рабочих и специалистов третьего сентября пущен конвертерный цех — последний передел технологического процесса переработки медного колчедана. **ЧЕТВЕРТОГО СЕНТЯБРЯ ПОЛУЧЕНА ПЕРВАЯ МЕДЬ.** Продолжаем борьбу за непрерывность производственного процесса освоения американского оборудования, применения всех систем разработки рудных месторождений медного колчедана».

Там же была напечатана ответная телеграмма руководителям «Уралмедьстроя» под заголовком «В кратчайший срок овладеть техникой пуска»:

«Эти победы свидетельствуют о том, что партийные и профсоюзные организации, административно-технический персонал, рабочие массы завода имени Красной Армии (комбинату в ту пору дали имя в честь Красной Армии по просьбе рабочих) добьются выполнения решений ЦК в выполнении поставленных задач, преодолеют в кратчайший срок «детские болезни» пускового периода и превратят завод в школу выковки строителей социализма».

Мистер Монат и мастер Шалин

Владимир Шалин в последний раз взглянул на оставшее позади него шоссе и не знал: радоваться либо плакать. Солнце медленно садилось за березовой рощей, и белая кора деревьев казалась издали широкой стеной, над которой высилась зеленая крыша из листьев. По дороге, громыхая тяжелыми кузовами, мчались грузовики, выпуская желтые клубы дыма. В машинах сидели солдаты в железных касках.

Шалин видел, как смерть прошла мимо него. Теперь его никто не пронзит штыком, но голод бесконечно мучил. Он шел пошатываясь, изредка бросая взгляды то на германских солдат, то на своих товарищей.

Владимира Шалина, рядового 3 роты 95 Уральского пехотного полка, уводили в плен. Четыре года, проведенные на чужой земле, научили его бережливости и аккуратности. Возвращаясь на родину, он лежа на нарах в товарном вагоне, говорил своему соседу:

— Мне бы еще пару годков у них поучиться... Медь они варят на славу, умеют, черти. Там у мастера одного Ганса — не руки, а золото... Он меня по ихнему говорить учил и многое показал... Не скучно было: жена солдаткой осталась, ребятишки, небось, голодные. Кого в живых теперь застану?

Дома Шалина встретили радостно — вернулся кормилец семьи. По вечерам старики рассаживались на завалинке дома и Владимир рассказывал про жизнь в германских деревнях.

Вскоре Шалин уехал в Карабаш, поступил на медеплавильный завод и, проработав несколько лет, переехал в Карсапкай. В 1930 году его пригласили на строительство Красноуральского завода и первый штейн был получен мастером отражательной печи Владимиром Шалиным.

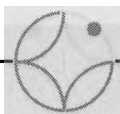
Невысокого роста, с задумчивыми глазами, медлительный и аккуратный, Шалин носил в кармане пиджака записную книжку. Никто не решался спросить у мастера, что он записывает, и только приехавший на заводскую практику студент Морозов рискнул это сделать.

— *Коль подсобишь — скажу!*

Морозов кивнул головой.

— *Печь, как и человек, не имеет постоянного поведения.*

Десять лет я слежу за печами и записываю в свою книжечку их работу, а теперь я хотел бы из этого сделать книжку для всех рабочих. Тогда и горновой и загрузчик будут знать как работать.

Морозов протянул руку, но Шалин сперва снял очки, медленно протер стекла, снова надел их и, перелистав странички в книжечке, отдал ее.

Через три месяца брошюра мастера Шалина «Отражательные печи» разошлась большим тиражом среди уральских медников. Просто и ясно в ней рассказывалось об устройстве печи, способах ремонта и нагрева и обязанностях людей, ухаживающих за ней.

Имя Шалина стало популярным. Молодые инженеры Привалов, Пазников и Рискин неоднократно приходили к нему в цех и говорили:

— Ну, Владимир Матвеевич, поучи нас, инженеров, как с печью обращаться.

— Вас учить не трудно, — отвечал Шалин, — вот бы мне вашу теорию, я иную печь соорудил бы...

В июне 1931 года Красноуральский завод начал работать. Плавильщики, помогая Шалину, следили за температурой печи, горновые — за хомутиками и ломами, а шлаковщики вовремя заправляли спусковой желоб и шлаковое окно. Каждый знал свои обязанности. И неожиданно газы повернули в загрузочные колонки, минуя боров. Шалин послал за инженером Вебером. Он пришел вместе с американским консультантом мистером Монатом.

— All right! — заявил Монат Веберу, — почему мастер думает, что газы не идут в боров? В Америке я таких явлений не наблюдал.

Вебер перевел Шалину. Мастер улыбнулся и ответил:

— Зеленый он, Владимир Федорович, я ведь вижу, что тяги нет, значит, боров не принимает газа. Что касается Америки, то он прав: там подогревают нефтью, а мы угольной пылью, а в ней много золы.

Монат долго копошился у печи и только через час сказал Веберу:

— Передайте мастеру, что он прав.

Печь, которую мистер Монат осматривал, была построена под его руководством. Кирпич, которым был выложен свод, оказался непрочным. Однажды под сборным боровом упала арка. В кабинет к директору срочно вызвали инженеров. Мистер Монат предложил «выдуть» /остановить/ печь. Это было единственное предложение, и его приняли. Начальник цеха Бреховских после совещания поспешил к Шалину:

— *Выдуй печь, Владимир Матвеевич, так решено!*

Шалин покачал головой и обиженно ответил:

— *Кабы меня позвали, я до этого не допустил бы...*

— *А что ты предлагаешь?*

— Печь не останавливать, а только прекратить подогрев... Под аптейком мы завалим перемычку кварцем, тогда газ останется в печи, а люди тем временем влезут в боров и исправят арку...

Бреховских задумался. Он чувствовал, что пронизательный Шалин отчетливо рассуждает.

— *Люди-то сгорят в жар?*

— *Я их в теплые кафтаны одену.*

— *Сколько же тебе дней потребуется?*

— *Полтора дня.*

— *Перехлестнул ты, Владимир Матвеевич, американец будет смеяться.*

— *Сначала сделаю, а потом я уж посмеюсь над ним.*

Бреховских возвратился к директору. Решено было предоставить возможность Шалину начать работу, но Монату не говорить.

Через несколько часов Шалин завалил перемычку кварцем, установил несколько дуг, положил на них железные листы и рабочие, одевшись потеплее, чтобы не обжечься, принялись за работу. На другой день к вечеру печь была готова. Все было сделано так просто и быстро, что инженеры ходили изумленными вокруг печи, избегая взглядов Шалина. Вечером в цех позвали Моната и рассказали о подвиге мастера.

— *Мне здесь нечего делать, — сказал мистер Монат, он не умел лгать и говорил правду, — у вас свой американец.*

Через пять дней мистер Монат покинул Красноуральск.

Трудности пускового периода

В связи с неудовлетворительной работой комбината Приказом от 21.07.1932 г. техническим руководителем (первым заместителем директора) Красноуральского медькомбината был назначен Л.М. Газарян, а американский инженер Г.В. Каанта — заместителем технического руководителя.

Директор В.М. Кармашев был освобожден от исполнения обязанностей и направлен в распоряжение Наркомтяжпрома. Директором комбината назначили бывшего начальника «Пышмастроля» А.А. Янена.

Им пришлось работать в наитруднейший период. Для того времени характерна, например, такая ситуация, отраженная в телеграмме на имя начальника «Главцветмета» Шахмурадова: «Муки нет, не выдавали рабочим. Хлебопекарни, столовые встали. Рабочие с производства уходят. Положение катастрофическое. Воздействуйте отгрузку ударно».

Определена конкретная программа

В 1932 году на комбинате работало 313 инженерно-технических работников, 942 ученика, 327 служащих, 518 человек младшего обслуживающего персонала.

Капвложения в 1932 году составили 15432 тыс. рублей.

Проектная мощность комбината — 20000 т меди в год. Полный ввод мощностей и вывод на проектную производительность был намечен на 1935 год. Сметная стоимость строительства комбината — 55000 тыс. рублей (в ценах 1927-1928 г.г.). Выполнение производственной программы таково:

	План	Выполнение
	СЦМЗ	за 1932 год
Добыча руды (тыс. т)	745,0	240,8 (32,7%)
Выдача медного концентрата (тыс. т)	127,5	40,5 (31,8%)
Получено черновой меди (тыс. т)	16,6	3,9 (23,5%)
Получено пиритных хвостов (тыс. т)	580,0	159,0 (27,4%)

Производственная программа была не выполнена в связи с тем, что комбинат не был технически готов для такой задачи. Капитальные шахты были пущены только в 1933 году. Нехватка рабочей силы, плохое снабжение строительными материалами и техническим оборудованием также негативно сказались на выполнении программы.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

«О работе медной промышленности Урала»

Постановлением коллегии Народного Комиссариата тяжелой промышленности СССР было утверждено:

- установить программу по выплавке меди на 1933 год по объединению — 36,2 тыс. тонн, по Красноуральскому комбинату — 11,9 тыс. тонн;
- форсировать разведку на Волковском месторождении и закончить ее к 1933 году;
- приступить к проектированию как рудника, так и обогатительной фабрики на этом месторождении с начала 1934 года.

Заместитель наркома Серебровский».

Приказ по Главцветмету от 15.05.33 года:

- ...Для усиления руководства горнорудным хозяйством Красноуральска приказываю: разукрупнить Красноуральский медеплавильный комбинат и создать два самостоятельных предприятия: Рудоуправление и Заводоуправление с непосредственным подчинением Севцветмету.
- Директором Красноуральского Рудоуправления утвердить т. А.А. Янен, главным инженером — Н.С. Горского, директором Красноуральского медеплавильного завода — Л.М. Газарян.

Начальник «Главцветмета» Шахмурадов

Глава 3

В ТРУДЕ, КАК В БОЮ

«За сталинский забой»

Дай руку мне, товарищ мой.
Опять с тобою мы на фронте,
С тобой спускаемся в забой
На сто двадцатом горизонте.

Опять идем в открытый бой,
И будем драться до победы
За знамя — «Сталинский забой»,
За колчедан, за тонны меди.

Чтобы, взрываясь, динамит
Разбрасывал руду кусками,
И, чтоб в конвертере кипя,
Дышала медь горячим пламенем.

И трудности текущих дней,
Взвалив безропотно на плечи
Мы потребности страны
Звенящей медью обеспечим.

Так помни же, товарищ мой,
Что мы с тобою вновь на фронте,
Когда спускаемся в забой
На сто двадцатом горизонте.

Кустиков Аркадий.

Заир Тагиров (сидит слева), 1927 г.

Стахановское движение

В 1935 году выплавка черновой меди выросла до 17 тыс. тонн, а в 1936 году завод перекрыл проектную мощность и выдал 22,8 тыс. тонн черновой меди.

За этими цифрами стоит большая кропотливая работа всех звеньев производства. В это время в стране активизировалось движение за ломку старых технических норм, начало которому положил донецкий шахтер Алексей Стаханов.

Инициатором стахановского движения за высокую производительность труда в медно-рудной промышленности стал забойщик рудника имени III Интернационала И.Г. Полозков, который 23 сентября 1935 года перекрыл норму почти в два раза, дав 4 куб. м вместо плановых 2,5 куб. м.

Его примеру последовали бурильщики Красногвардейской шахты: Худзя Гумаров, Павел Киселев, Заир Тагиров, именем которого названа одна из улиц нашего города.

Х. Гумаров, например, дал 6,68 куб. м. вместо 1,52 куб. м. по норме. Последователями стахановцев на шахтах города стали Беляев, Низамов, Буянов, Вершинин, Таланкин, Наймушин и др.

Как я оседлал технику

Вот как описывает И.Г. Полозков свою работу по стахановскому методу в путевке под заголовком «Как я оседлал технику».

«— Я давно искал выход, который не давал мне возможности перевыполнять план и повышать свой заработок. Основную причину срыва работы я уяснил себе сразу, но постеснялся её высказать.

Ведь все так работают. Как же я один могу исправить положение? Когда же я услышал о первых рекордах Алексея Стаханова, у меня сомнений больше не осталось. Я твердо решил один шагнуть вперед, потребовал работы с разделением труда. Сам стал только бурильщиком. Разделив труд, я изжил простои, этого же добился от администрации. Получил для работы хороший инструмент, совместно с администрацией подобрал лучших уборщиков руды и крепильщиков. Я выдерживаю твердо установленный график работы в каждом забое. Имею при себе часы, записную книжку, карандаш, метр, эскизы с расположением шпуров, что дает мне возможность контролировать свою работу по времени, замерять шпуры и т. д.

Моя задача была перегнать американских бурильщиков. 23 ноября я пробурил 61 п/метр шпуров, от которых я получил 26,3 куб. м. или 96,7 т. руды и заработал 239 руб. 42 коп. за смену. Американские же бурильщики давали за смену не более 30-35 п/метров забоя.

Работая в одном забое, я уже знаю, что в другом забое для меня готовы перфораторы, шланги, буры, освещение и все остальное. Их для меня готовит помощник. Заканчивая рабочую смену вместе с запальщиком, мы проверяем шпуры, продуваем их и заряжаем. После отпалки включаю вентилятор и проветриваю 3-5 забоев в течение 10-12 минут.

Как только станет в забоях светло, мы с начальником смены и маркшейдером идем замерять и проверять эффект взрыва».

Дворец культуры «Металлург», 1934

Стахановские путевки писали и другие последователи высокопроизводительного труда, путевки изучались, на них учились работать горняки шахт.

Передовой флотатор В. Вотинцев по своей инициативе перешел в отстающую бригаду, с тем, чтобы вывести ее в передовые. Его патриотическому почину последовал инженер А. Алексеев. В металлургическом цехе первыми стахановцами стали Дурницин — горновой: 14 октября 1935 года, работая за плавильщика, он выдал 17 ковшей штейна вместо 8 по плану, его рекорд перекрыл плавильщик Краснобаев, выдавший 22 ковш штейна.

Флотатор А.Я. Баженов принял обязательство обеспечить работу 2-х секций, вместо одной предусмотренной по штату, и с работой успешно справился.

В 1936-1937 г.г. медьзавод планомерно наращивал темпы производства. Зарботки у трудящихся стали хорошими. В семьях появились велосипеды, патефоны, в квартирах — мебель, тюлевые шторы на окнах. Люди стали покупать хорошую одежду — пальто, костюмы, платья, обувь, головные уборы и т. д.

Третий пятилетний план 1938-1942 г.г. предусматривал рост выпуска черновой меди в 2,8 раза. Если учесть, что два уральских завода — Красноуральский и Кировградский — в то время

Женский хоровой кружок. 1934 год.

давали около половины всей черновой меди в стране, то в выполнении этой задачи огромная роль отводилась красноуральским медеплавильщикам.

В рабочих коллективах царил неустанный поиск нового, позволяющий трудиться высокопроизводительно. В 1939 году литейщики медьзавода стали применять кокильную отливку таких деталей как шестерни, шкивы, поршневые кольца вакуум-насосов, головки фильтров. Была освоена отливка секций вала обжиговых печей, рукояток, которые до этого изготовлялись на других заводах.

Металлурги внедряли подвесной свод на отражательных печах, подвели вторичный воздух к горелкам. Это позволило заводу увеличить кампанию печей с 96 до 137 суток, сократив в среднем за год количество ремонтов с 7 до 5, и увеличить проплавы шихты с 4 до 5,2 тонны на 1 кв. метр площади пода печи.

Опыт передовиков становился достоянием всех. Например, «Уральский кабинет рабочего автора» выпустил брошюру «Практика высоких съемов проплава на отражательных печах», рассказывающую об опыте работы стахановцев Красноуральского медеплавильного завода — М. Жаркове, М. Чувашове, А. Ярусове, А. Багаеве.

Первый духовой оркестр г. Красноуральска, 1934

Число стахановцев и ударников труда росло. В 1938 году их насчитывалось 48%, а в 1939 году уже 71%.

В Доме культуры выступали с концертами приезжие артисты. Культура шагнула в рабочие коллективы, в цехах стали создаваться коллективы художественной самодеятельности, физкультурные секции, стали проходить рабочие спартакиады на стадионе. Всю огромную массово-политическую работу на заводе возглавляла комиссия содействия культуре, в её состав входили представители цехов, профсоюзной, партийной, комсомольской организаций, физкультурно-спортивный актив, сотрудники Дома культуры.

КМК — родина янкинского движения

Яркой страницей в историю стахановского движения вошло Янкинское движение, названное в честь прославленного стахановца шахты Красногвардейская Иллариона Павловича Янкина.

И.П. Янкин приехал в Красноуральск в 1934 году. В начале работал откатчиком, затем забойщиком. Волна стахановского движения находила в среде рабочих талантливых личностей, искавших пути к повышению производительности труда, таким и был Янкин.

В 1940 году широко были известны рекорды шахтера из Кривого Рога А. Семиволоса по добыче железной руды. Метод его работы решено было изучить и внедрить на меднорудных шахтах. Инициатором этого выступило Красногвардейское шахтоуправление треста «Красноуралмедьруда», а воплотил почин в жизнь Илларион Янкин.

В брошюре издательства «Уральский рабочий» под названием «Опыт работы Семиволоса – Янкина на рудниках треста «Красноуралмедьруда» в предисловии говорилось: «...Пятая годовщина стахановского движения ознаменовалась его новым замечательным подъемом. Бурильщик шахты Иларион Павлович Янкин, прошедший учебу у т. Семиволоса, 13 ноября установил Всесоюзный рекорд по добыче медной руды, выполнив норму на 894%, а 15 ноября – на 1044%.

Замечательный успех Янкина явился результатом как прекрасной работы самого бурильщика, так и тщательной подготовки забоев и организации работы инженерно-техническим коллективом. Главный инженер шахтоуправления Аксенов, его заместитель т. Поползухин, начальник участка Новиков приложили много труда для организации работы Янкина. Помощник начальника участка Рямов, механик участка Юсупов и сменные техники т.т. Смирнов и Ионов своим конкретным руководством и помощью также в значительной мере способствовали успеху Янкина».

Почин Янкина был широко подхвачен трудящимися на всех предприятиях треста «Красноуралмедьруда». И вскоре весь трест начал перевыполнять план по добыче медной руды.

В чем же заключается «чудодейственный» метод Семиволоса-Янкина? До его внедрения проходка подготовительных выработок на шахте осуществлялась без особой подготовки рабочего места бурильщика. Последний, придя в забой, должен был сам его подготовить для обуривания, то есть разработать забой, частично очистить его от руды, поднести перфоратор и шланг, присоединить к воздухопроводной магистрали, поднести

Илларион Павлович Янкин.

*инициатор
многоперфораторного
бурения, лауреат
государственной премии,
герой соц.труда*

буры... Эти вспомогательные операции отнимали у бурильщика до 40 % рабочего времени.

Новый способ организации проходки нарезных выработок заключался в максимальном уплотнении рабочего дня бурильщика, в тщательной подготовке забоя, включающей разборку забоя, очистку скатов от руды, устройстве полков для бурения, подборе нескольких комплектов буров и доставке их в забой, доставке перфораторов, устройстве электроосвещения в забое. Осуществление этих несложных работ дополнительными рабочими с первого же дня работы по-новому сразу дало положительные результаты.

13 ноября 1940 года Янкин двумя телескопными перфораторами ТП-2 обурил 4 забоя — ската, каждый сечением 3,2 кв. м., дав суммарный уход 4,2 пог/м, что составило 894 % нормы. Переняв янкинский опыт работы, член его бригады Голубятников 15 ноября обурил 4,5 забоя и выполнил норму на 936%. Этого же числа, но уже во вторую смену Янкин выполнил норму на 1044%, пройдя 4,9 пог/м готовой выработки. На Ново-Левинском руднике 16 ноября на очистных работах бурильщик Ларионов выполнил норму на 273%, Баукин — на 488%, Закиров — на 222%. Не успокаиваясь на достигнутых результатах, бурильщик Ларионов 19 ноября выполнил норму на 915%.

Метод Янкина нашел распространение среди горняков свинцово-цинковых рудников Закавказья, медных рудников Армении, золотых рудников Сибири и Дальнего Востока. Он изучался во всех ВУЗах страны.

«В труде, как в бою!» — янкинды считали, что именно так нужно работать. На определенном этапе развития промышленности янкинское движение сыграло положительную роль в повышении производительности труда на горнорудных предприятиях страны.

За новаторские начинания И.П. Янкин был награжден именными часами и легкой автомашиной. А шахта «Красногвардейская» за высокие производственные показатели в 1940 году была признана лучшей шахтой меднорудной промышленности страны, ей было вручено переходящее Красное Знамя газеты «Правда», впоследствии оставленное в коллективе на вечное хранение.

В 1942 году И.П. Янкин стал Лауреатом Государственной премии СССР, был награжден орденом Ленина.

В память о знатном герое-горняке одна из улиц Красноуральска носит имя И.П. Янкина.

Глава 4

КРАСНОУРАЛЬСКИЙ МЕДЕПЛАВИЛЬНЫЙ КОМБИНАТ В ГОДЫ ВОЙНЫ

Всю войну тыл Победу ковал,
Чтоб живыми вернулись солдаты.
Тыл Победу трудом добывал,
Мы в Победу все верили свято!

М.Д. Котова-Свистун

Коллектив медеплавильного комбината с каждым днем набирал уверенные темпы производства. Государственный план по выпуску черновой меди ежемесячно выполнялся. Медеплавильщики готовились отметить 10-летие со дня выдачи первых тонн меди. Поэтому Великую Отечественную войну коллектив медьзавода встретил подготовленным к высокопроизводительному труду.

Дмитрий Сергеевич Неустроев (3-й справа), директор медьзавода (1941-1946) среди передовиков производства

В первые дни войны в трудовых коллективах прошли собрания, трудящиеся клеймили позором наглую вылазку врага, принимали обязательства по досрочному выполнению плана. От имени медеплавильщиков на общегородском митинге выступил главный инженер завода И.С. Елисеев.

На митинге была принята резолюция: «...Мы, все как один, будем честно и самоотверженно трудиться на своих постах, в едином порыве ненависти к обнаглевшему врагу удвоим, утроим борьбу за выполнение производственных планов и дадим стране столько меди, сколько потребуется ее доблестной Красной Армии для полного уничтожения врага».

Все для фронта — все для победы!

В июне 1941 года ВЦСПС и Наркомцветмет признали Красноуральский медеплавильный завод победителем Всесоюзного социалистического соревнования.

По этому случаю после трудовой смены трудящиеся собрались на митинг. Председатель завкома Иванченко, открыв митинг, предоставляет слово директору завода Неустроеву Дмитрию Сергеевичу. Директор призвал весь коллектив завода закрепить достигнутые успехи, добиться завоевания переходящего Красного Знамени Государственного Комитета Оборона. На митинге выступили также начальник металлургического цеха Зубарев, мастер фронтовой бригады Ярусов, мастер обогащательной фабрики Митрофанов, начальник паровозного депо ЖДЦ Поторочин, парторг ЦК ВКП (б) медьзавода Дубровин и секретарь горкома партии Мухин. Крылатым девизом становится лозунг: «Все для фронта, все для победы над врагом!».

На заводе развернулось соревнование за непрерывную работу во всех звеньях производства. Металлурги соревновались за увеличение удельной производительности отражательной печи. Инициаторы этого движения — А. Ярусов, С. Глазунов, П. Собенин — устанавливают рекордные по тем временам показатели проплава шихты.

Есть оборонный цех!

В августе 1941 года предприятию было дано задание создать оборонный цех. А в сентябре этот цех уже дал первую продукцию. За досрочный пуск оборонного цеха и выполнение заданий правительства по выпуску продукции для фронта были награждены правительственными наградами токари А.Г. Метлин, М.Д. Котова, мастер И.П. Бадурин, директор завода Д.С. Неустроев, парторг ЦК ВКП (б) М.В. Дубровин. За самоотверженный труд станочники П. Зыков, Н. Турчанинов, П. Бунькова, М. Котова, П. Метлин были отмечены званием «Гвардеец тыла».

Коллектив цеха №1, годы Великой Отечественной войны
Начальник смены Иван Петрович Бадурин (сидит 5-й слева)

**Из воспоминаний ветерана труда,
орденоносца Трудового Красного Знамени
Николая Турчанинова:**

«Для оборонного цеха нужны были станки и квалифицированные токари. Из многих цехов привезли станки, и мы стали устанавливать конвейерную линию. Работали день и ночь, в цехе был буфет, пообедаешь и снова к станку. Когда уже совсем не можешь работать от усталости, тут же в цехе поспишь и снова за работу, а когда пустили линию, мы стали работать нормально — по 12 часов ...»

**Из воспоминаний Х.И. Дубина,
электрика сернокислого цеха**

«Невольно встает в памяти июнь 1941 г. Я работал в то время старшим дежурным электриком на Одесском суперфосфатном заводе. Теплая украинская ночь. Вдруг раздался звонок: «Выключайте наружное освещение, маскируйте завод». Я подумал, что это учебная тревога, как

